

W 510
99

ТУРКМЕНІЯ

И

ТУРКМЕНЫ.

СЪ КАРТОЮ.

А. КУРОПАТКИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. А. Полевина, (Лите няз, № 42).

1879.

(Изъ журнала «Военный Сборникъ», 1879 г.).

2007099569

ф-25716-36

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го сентября 1879 года.

ТУРКМЕНІЯ И ТУРКМЕНЫ.

Обширное пространство, ограниченное съ запада Каспійскимъ моремъ, съ юга персидскими и афганскими, съ сѣверо-востока бухарскими и хивинскими владѣніями и съ сѣвера Мангышлакскимъ полуостровомъ, представляетъ собою площадь около 9,000 квадратныхъ миль съ туркменскимъ населеніемъ около 1.000,000 душъ. Площадь эта называется Туркменією, или Турменскою степью, а часть ея, прилегающая къ Каспійскому морю, извѣстна подъ именемъ Закаспійскаго края.

Составляя часть Арало-Каспійской впадины, Туркменія только въ немногихъ своихъ частяхъ представляетъ поднятіе почвы выше общаго горизонта, который мѣстами даже ниже уровня океана. Эти поднятія составляютъ каменистыя горы, брошенныя значительными массами среди безжизненныхъ пространствъ, песчаныхъ и солонцовыхъ. При предположеніи, что Туркменія нѣкогда представляла собою дно обширнаго моря, вмѣщавшаго въ себя всю Арало-Каспійскую низменность, съ настоящими морями Каспійскимъ и Аральскимъ,—горы Туркменіи были островами на этомъ обширномъ внутреннемъ морѣ.

Начнемъ топографическій очеркъ Туркменіи съ каспійскаго побережья.

Общее протяженіе береговой линіи (до границы съ Астрабадскою провинцією), отъ устья Карасу на югѣ до сѣверныхъ предѣловъ мангышлакскаго приставства на сѣверѣ, составляетъ около 2,000 верстъ. Сѣверная часть этой линіи есть заливъ Кайдакъ. Вдоль всего восточнаго берега этого залива идетъ крутой обрывъ Усть-Урта (Чинкъ), оставляющій до моря узкую полосу земли въ нѣсколько верстъ. Затѣмъ слѣдуетъ низменный, песчаный, солонцовый и мѣстами покрытый камышомъ берегъ полуострова Бузачи до высокаго мыса Тюкъ Карагана. Отъ этого послѣдняго берегъ поворачиваетъ къ югу и до залива Карабугазскаго состоитъ изъ известковыхъ скалъ (Чинкъ), почти вплоть подходящихъ къ морю. Эти скалы, постепенно понижаясь

къ югу, переходять въ песчаную степь, наполненную остатками соляныхъ озеръ. Исключеніе составляетъ сѣверный берегъ Балханскаго залива, который скалистъ и высокъ.

Самая южная часть каспійскаго побережья, къ рѣкамъ Атреку и Гюргену, представляетъ низменную мѣстность, поросшую камышомъ.

Вся сѣверная часть Каспійскаго моря близъ заливовъ Кайдакъ и Бузачи неудобна для мореходства. Большія суда по мелководью должны останавливаться за 40—50 верстъ отъ берега и начинать высадку на лодкахъ, челнахъ и затѣмъ пѣшкомъ.

Отъ мыса Тюкъ-Карагана до самаго Балханскаго залива море достаточно глубоко. Лучшія якорныя стоянки находятся въ бухтѣ Александровской (Алексадро-бай) и заливахъ Киндерлинскомъ, Балханскомъ и Михайловскомъ. Заливъ Гассанъ-Кули, принимающій рѣку Атрекъ, имѣетъ глубины всего три фута и заросъ камышомъ.

Изъ острововъ на Каспійскомъ морѣ наиболѣе замѣчательны Челекенъ и Огурчинскій, лежащіе южнѣ залива Балханскаго. Острова эти бесплодны, имѣютъ воду только въ колодцахъ, но и ту преимущественно соленую; но Челекенъ важенъ своимъ богатствомъ нефти, число источниковъ которой опредѣляется до 3,000.

Переходя къ разсмотрѣнію собственно Туркменіи, прежде всего замѣтимъ, что она составляетъ двѣ довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой части: западную и восточную. Первая изъ нихъ, кромѣ обширныхъ пустынныхъ пространствъ, солончаковыхъ и песчаныхъ, заключаетъ въ себѣ значительныя поднятія почвы, какъ Усть-Уртъ, Балханскія и Кюрендагскія горы. Наконецъ въ этой же части лежитъ старое русло рѣки Аму-дарьи, такъ называемый Узбой.

Восточная часть Туркменіи не представляетъ такого относительнаго разнообразія рельефа мѣстности. Песчаные пространства, тянущіяся непрерывно на сотни верстъ, имѣютъ только по нѣсколькимъ путямъ рѣдкіе колодцы, отдѣленные одинъ отъ другаго на 50 и болѣе верстъ. Единственный обширный и воздѣланный оазисъ этой пустыни составляетъ Мервъ, населенный наиболѣе хищными туркменами.

Въ сѣверной части Закаспійскаго края, пространство между морями Каспійскимъ и Аральскимъ составляетъ плоскую возвышенную мѣстность—Усть-Уртъ, наибольшія превышенія котораго надъ уровнемъ моря превосходятъ 700 футовъ ⁽¹⁾. Съ сѣверо-западной части Усть-

(1) Существовавшее мнѣніе, что Усть-Уртъ представляетъ плоскую возвышенность, неправильно. Новѣйшія изслѣдованія показали, что рельефъ Усть-Урта довольно сложенъ и представляетъ въ различныхъ мѣстахъ паденіе почвы до 50 футовъ и поднятіе свыше 700 футовъ.

Урта, на полуостровѣ Мангышлакѣ, на протяженіи 120 верстѣ тянутся два небольшихъ хребта: *Акз-тау* и *Кара-тау*, высотой до 2,500 футовъ.

Долины въ этихъ горахъ изобилуютъ водою, кормовыми травами и даютъ населенію Мангышлакскаго полуострова (киргизамъ) главное пропитаніе для ихъ стадъ. Кромѣ того, въ горахъ Кара-тау найдены залежи каменнаго угля. Усть-Уртъ представляетъ изъ себя обширную равнину съ твердо-глинистой, хрящеватой или известковой почвою. На этой равнинѣ попадаются солонцы, пески, грязи, соленыя озера. Воды на Усть-Уртѣ мало, и она держится въ глубокихъ, до 30 сажень, колодцахъ и часто горькаго вкуса. Усть-Уртъ съ востока, запада и юга ограничивается крутымъ обрывомъ, называемымъ *Чинкомъ*, съ котораго имѣется только нѣсколько спусковъ. На значительномъ протяженіи своемъ этотъ обрывъ ограничиваетъ *Узбой*, старое русло р. Аму-дарьи, вливавшей нѣкогда свои воды въ Каспійское море.

Чинкъ составляетъ рѣзкую черту между возвышеннымъ глинисто-известковымъ Усть-Уртомъ и низменнымъ пространствомъ къ югу отъ него, состоящимъ изъ песковъ и солонцовъ. Кромѣ того, Чинкъ составляетъ отчасти этнографическую границу между киргизами и туркменами ⁽¹⁾. Первые изъ нихъ не заходятъ за Чинкъ къ югу, но туркмены поднимаются, хотя и въ незначительномъ числѣ, и на сѣверъ отъ него. Наибольшій интересъ во всей пустынной и почти безводной мѣстности между морями Аральскимъ и Каспійскимъ представляетъ старое русло Аму-дарьи — *Узбой*.

По преданіямъ, рѣка Аму-дарьи еще въ XIII столѣтіи вливалась въ Каспійское море и затѣмъ искусственно, при помощи плотинъ, отведена была въ Аральское море (Это послѣднее предположеніе требуетъ доказательствъ болѣе вѣскихъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣются, и, казалось бы болѣе правильнымъ въ поворотѣ водъ Аму-дарьи въ Аральское море видѣть событие, вызванное по преимуществу естественными причинами, чѣмъ приписывать его всецѣло волѣ или прихоти хивинскихъ хановъ). Весьма рѣзко обозначенное старое русло только мѣстами теряется. Начало русла находится между городами Кипчакомъ и Ходжейли, а устье у залива Балханскаго. Общее протяженіе его до 800 верстѣ. Собственно Узбоемъ называютъ часть русла отъ озеръ Сары-камышскихъ къ Касію; часть же стараго русла отъ г. Ходжейли до Сары-Камыша называютъ Урунъ-дарьей или Куны-дарьей ⁽²⁾. По

⁽¹⁾ Г. Венюковъ: «Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ 1873 г.», ст. 444.

⁽²⁾ Куны-дарья въ буквальномъ переводѣ означаетъ *старая рѣка*.

произведеннымъ измѣреніямъ, начало старого русла превышаетъ низовья его на 400 слишкомъ футовъ ⁽¹⁾.

Это превышеніе даетъ основаніе предполагать, что если бы воду Аму-дарьи направить по старому руслу, то она и нынѣ могла бы дойти до Каспійскаго моря. Важность подобнаго результата не подлежитъ сомнѣнію. Съ поворотомъ водъ Аму-Дарьи въ Каспійское море пріобрѣтается непрерывный водный путь отъ Афганистана до устьевъ Волги. Сама природа въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, казалось, готова была два раза облегчить человѣку гигантскую работу поворота теченія такой рѣки, какъ Аму-дарья, отъ одного моря къ другому. Въ 1849—1850 годахъ воды р. Аму-дарьи въ весеннее половодье размыли плотины, наполнили старые оросительные каналы, часть старого русла и дошли до озера Сары-Камыша, лежащаго почти въ 180 верстахъ отъ Ходжейли.

Второй прорывъ произошелъ въ прошломъ году. Вслѣдствіе необычайно снѣжной зимы 1877—1878 года весенній разливъ рѣки Аму-дарьи достигъ небывалыхъ размѣровъ. Береговыя плотины не въ состояніи были сдержать напоръ воды и дали нѣсколько прорывовъ. Масса воды съ силою устремилась на низменные мѣстности лѣваго берега дарьи и, наводнивъ ихъ, двинулась далѣе, избирая русла старинныхъ рукавовъ, каналовъ, ложбины озеръ и т. д.

Главнѣйшіе прорывы произошли въ трехъ мѣстахъ: 1) сѣверный, нѣсколько верстъ ниже г. Ходжейли; 2) средній, недалеко отъ г. Кипчака; 3) южный, недалеко отъ г. Ургенча.

Пространство между г. Ходжейли и Хивою, наводненное этими прорывами, представляло сплошную массу воды, и сообщеніе между городами Куня-Ургенчемъ и Хивою, могло производиться только на лодкахъ.

Вода изъ этихъ трехъ прорывовъ достигла старого русла Урунъ-дарьи, разрушила на немъ плотины Ушакъ-бентъ и Салакъ-бентъ; прошла поверхъ плотины Егенъ-Клычъ и наполнила озера Сары-Камышскія и смежныя съ ними солончаки Кокъ-Пуларъ. Только къ осени прошлаго года вода начала спадать. Къ серединѣ октября пашни, залитыя наводненіемъ, открылись, и прорывы плотинъ начали исправляться. Въ началѣ декабря движеніе воды по Урунъ-дарьѣ продолжалось около Сары-Камыша со скоростью двухъ съ половиною футовъ въ секунду и

(1) Уровень Аральскаго моря выше уровня Каспійскаго моря на 243 фута; уровень Аму-дарьи у г. Ходжейли выше уровня Аральскаго моря на 156 футовъ. Такимъ образомъ, начало Урунъ-дарьи, расположенной нѣсколько выше Ходжейли, будетъ превышать уровень Каспійскаго моря болѣе чѣмъ на 400 футовъ.

при ширинѣ протока въ двадцать сажень. Изъ озера Сары-Камыша вода далѣе въ Узбой не проникла.

Старое русло Аму-дарьи, начавшись у Куня-Ургенча, слѣдуетъ въ юго-западномъ направленіи, достигаетъ подошвы Чинка (у Деу-Кескена), идетъ подъ Чинкомъ, проходить черезъ Сарыкамышскую котловину и слѣдуетъ далѣе въ юго-восточномъ направленіи. Нивелировки, произведенныя въ 1877 г. полковникомъ Петрусевичемъ, показали, *что уровень воды въ Сарыкамышскихъ озерахъ ниже уровня Каспійскаго моря на шесть сажень*. Это измѣреніе въ значительной степени ослабляетъ предположеніе о возможности направленія водъ Аму-дарьи въ Каспійское море, если не будетъ открыта возможность обойти Сары-Камышскую котловину ⁽¹⁾. По вѣроятнымъ свѣдѣніямъ, у колодцевъ Чарышлы къ рукаву стараго русла Аму-дарьи, идущаго черезъ Сары-Камышъ и называемаго Куня-дарьею, выходитъ второй сухой рукавъ Аму-дарьи, Дауданъ ⁽²⁾, которымъ можно имѣть надежду провести воду Аму-дарьи въ Узбой, минуя Сарыкамышскую котловину; степень же вѣроятности подобнаго предположенія можетъ быть определена только по подробномъ изслѣдованіи Даудана.

Отъ колодцевъ Чарышлы Узбой направляется на югъ вѣдоль Чинка, служащаго ему правымъ берегомъ, а съ колодцевъ Игды принимаетъ западное направленіе.

Ширина русла Узбая отъ 100 сажень до 3-хъ верстъ. Высота береговъ до 30 сажень. Мѣстами русло занесено пескомъ. По Узбою были находимы прѣсноводныя раковины. Вблизи береговъ Узбая находятся развалины изъ сженаго кирпича и слѣды оросительныхъ каналовъ.

По Узбою мѣстами попадаются плесы соленой воды, длиною по нѣсколько верстъ, камышъ, можжевельныя деревья и трава. Колодцы по Узбою довольно многочисленны, но не всѣ содержатъ хорошую воду. Такъ, вода въ колодцахъ между Игды и Ортокуй солоноватая.

Мѣстами въ колодцахъ встрѣчается значительное количество воды даже въ жаркое время года. Въ особенности на Узбоѣ относительно много воды около урочищъ и колодцевъ Топіатанъ и Тандерли. Здѣсь дно Узбая, а отчасти и берега его представляютъ рядъ небольшихъ оазисовъ, въ которыхъ водятся кабаны, зайцы, дикіе гуси и утки.

(1) Вслѣдствіе огромнаго расхода воды, требуемой для наполненія Сары-Камышской котловины.

(2) Г. Венюковъ въ своемъ трудѣ: «Опытъ военнаго обозрѣнія границъ въ Азій», называетъ правый рукавъ Муравьевскимъ, а лѣвый—рукавомъ Бамбери. Въ брошюрѣ: «Аму и Узбой» сказано, что Куня-дарья и Дауданъ соединяются у озера Сара-Камышъ, причемъ, пустивъ воду по Даудану, нельзя будетъ избѣжать необходимости наполнять Сарыкамышскую котловину.

Эти оазисы покрыты травами, служащими для откармливанія скота туркменовъ. Западнѣе колодцевъ Тандерли, Узбой становится песчанымъ, бесплоднымъ и затѣмъ, пройдя между Большими и Малыми Балханскими горами, теряется въ обширныхъ солонцахъ, не дойдя до Балханскаго залива. Въ юго-восточной оконечности Чинка (между заливами Кара-Бугазскимъ и Красноводскимъ) почти примыкаетъ значительный горный краѣжъ *Балханъ*, имѣющій восточное направленіе и раздѣленный сухимъ русломъ Аму-дарьи, Узбоемъ на двѣ неровныя части, называемыя *Большимъ Балханомъ* къ сторонѣ Каспійскаго моря и *Малымъ Балханомъ*, къ сторонѣ горнаго хребта Кюренъ-дага, имѣющаго связь съ горами Персіи: Хоросанскими и Эльбурзскими.

Горы Балханскія, при протяженіи въ длину около 200 верстъ, имѣютъ весьма различную ширину, рѣдко превышающую 40 верстъ. Горы эти состоятъ изъ крутыхъ, скалистыхъ высотъ, изрѣзанныхъ ущельями. Высшая точка Большаго Балхана, вершина Дирремъ-дагъ, лежитъ на высотѣ слишкомъ 5,000 футовъ. Высшія точки Малаго Балхана достигаютъ высоты 2,500. Балханскія горы пустыньны и весьма трудно проходимы. По ущельямъ попадаетъ родниковая вода. Растительность очень скудна; травъ весьма мало, и то онѣ частью горьки на вкусъ. Встрѣчаются можжевеловыя деревья, кусты черешни, барбариса, смоквы. Можжевеловыя деревья достигаютъ иногда 3—4 сажень высоты, при 1½ футахъ въ діаметрѣ. Горы состоятъ изъ раковистаго известняка и плитняка. Лучшимъ пунктомъ въ Балханскихъ горахъ для устройства укрѣпленія считается мѣстность Ташъ-Арватъ-Калла, лежащая въ глубинѣ горъ, въ 120 верстахъ отъ Красноводска. Пунктъ этотъ былъ нѣкоторое время занятъ нашими войсками, построившими тамъ укрѣпленіе, теперь оставленное. Важное мѣстное значеніе Ташъ-Арвата состоитъ въ томъ, что вода въ немъ имѣется не въ колодцахъ, какъ повсюду въ той мѣстности, а изъ родника, дающаго начало небольшому ручью. Вода эта довольно хорошаго качества и въ количествѣ, дающемъ возможность имѣть нѣсколько клочковъ пашни. Въ пунктахъ по пути отъ Красноводска къ Ташъ-Арвату, вода соленая, горько-соленая и частью съ запахомъ сѣрнистаго водорода.

На юго-востокъ отъ Малыхъ Балханъ, не въ далекомъ отъ нихъ разстояніи, начинаются горы *Копетъ-дагъ* или *Кюренъ-дагъ*. Горы эти тянутся въ юго-восточномъ направленіи и постепенно сближаются съ отрогами Эльбурзскаго хребта, горами Хоросанскими, которыя, обогнувъ южный берегъ Каспійскаго моря, направляются тоже въ восточномъ направленіи. Между персидскими провинціями, Дерезеюмъ

и Кучаномъ, обѣ эти горныя системы (') сходятся, давая начало рѣкѣ Атреку съ его притоками, впадающими въ Каспійское море, и рѣкѣ Дурунгляру, которая орошаетъ весь Дерегезъ и затѣмъ теряется въ степи. Высота горъ Кюренъ-дага опредѣлена только въ западныхъ его частяхъ, гдѣ она превосходитъ 2,300 ф. Къ рѣзко очерченной подошвѣ горъ Кюренъ-дага стекаетъ съ сѣверныхъ скатовъ этого хребта масса небольшихъ рѣчекъ, которыя образуютъ у подошвы его неширокую, но длинную до 250 верстъ полосу земли, способную къ культурѣ. Эта полоса составляетъ такъ называемый Текинскій оазисъ, въ которомъ расположены поселенія туркменъ—Ахаль-теке.

Послѣ пустынной, песчаной или солонцовой туркменской степи поселенія ахаль-текинцевъ представляются благодатною страной. Широкая полоса садовъ при селеніяхъ или аулахъ наполнена персиковыми, абрикосовыми, орѣховыми деревьями и виноградниками. Между садами тянутся обширныя пашни, дающія прекрасные урожаи.

Въ то время, какъ текинскія поселенія тянутся отъ текинскаго укрѣпленія Кызылъ-Арвата къ персидской провинціи Дерегезу въ юго-восточномъ направленіи, поселенія персидскія идутъ, начиная отъ урочища Мана на Атрекѣ до укрѣпленія Серахса близъ афганской границы въ восточномъ направленіи, постепенно сближаясь чрезъ это съ поселеніями туркменскими. Къ сѣверу отъ Дерегеза поселенія туркменскія и персидскія почти сходятся, между тѣмъ какъ крайнія западныя поселенія туркменъ отдѣлены отъ персидскихъ разстояніемъ въ 200 верстъ.

Пространство между персидскими и туркменскими поселеніями, ограниченное Атрекомъ на югѣ, р. Сумбаромъ на западѣ, линіею текинскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ, курдскими поселеніями на востокѣ, представляетъ изъ себя обширный треугольникъ, заполненный отрогами Кюренъ-дагскихъ и Эльбурскихъ горъ, лишенный въ настоящее время всякихъ поселеній, хотя пространство это способно къ культурѣ, по горамъ много пастбищъ, а долины весьма плодородны и отличаются прекраснымъ климатомъ. Многочисленныя развалины указываютъ, что въ недавнее еще время эта мѣстность была населена.

Туркмены текинцы разрушили персидскія деревни и частью умертвили, частью забрали въ плѣнъ жителей ихъ—персіанъ. Истребивъ и изгнавъ персіанъ, текинцы сами не осѣли на отнятыхъ ими мѣстахъ, какъ по своей малочисленности, такъ изъ боязни, въ свою очередь, нападенія со стороны персовъ, отъ коихъ имъ трудно бы было защищаться самою мѣстностію.

(') Т. е. Кюренъ-дагъ и горы Хоросанскія.

Рѣка Атрекъ, о которой мы упоминали выше, беретъ начало въ персидской провинціи Кучанъ, и городъ того же имени расположенъ на ея берегу. Отъ города Кучана на протяженіи почти 280 верстъ до впаденія съ правой стороны у урочища Чатъ р. Сумбара, Атрекъ течетъ въ западномъ направленіи, принимая нѣсколько притоковъ, изъ которыхъ значительнѣйшимъ будетъ Сумбаръ.

Мѣстность къ сѣверу отъ Атрека до текинскихъ поселеній и къ западу до дер. Пишкалэ, лежащей отъ гор. Кучана въ 140 верстахъ, составляетъ провинцію Кучанъ, которая, вмѣстѣ съ провинціями Буджнуръ и Дерезевъ, занята главнымъ образомъ курдскими поселеніями. Эти три провинціи богато одарены природою и составляютъ житницу не только Хорасана, но частью и всей Персіи. Къ западу отъ деревни Пишкалэ, Атрекъ до мѣстности Чатъ не глубокъ, почти вездѣ проходимъ въ бродъ, и русло его протекаетъ въ довольно низменныхъ берегахъ. По долинамъ Атрека и впадающихъ въ него рѣчекъ и ручьевъ, попадаетъ лѣсъ, а по близъ лежащимъ горамъ много пастбищъ. Поселеній отъ Пишкалэ до Чата, на протяженіи 140 верстъ по Атреку и къ сѣверу отъ него до Текинскаго оазиса, какъ мы уже упоминали, никакихъ нѣтъ.

Отъ Чата до бывшаго укрѣпленія Боятъ-аджи и далѣе до переправы Чельте-Олуна Атрекъ, на протяженіи около 80 верстъ, принимаетъ юго-западное направленіе и довольно глубоко врѣзывается въ отроги Кюренъ-дагскихъ горъ. На этомъ протяженіи Атрекъ глубокъ, переправы существуютъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но и на нихъ переправа на лошади возможна только въ низкую воду. Ширина рѣки отъ 6-ти до 10-ти сажень, берега безжизненны, лишены всякой растительности, кромѣ мелкаго гребенника, верблюжьей травы и бурьяна. Берега мѣстами представляютъ обрывы высотой отъ 5-ти до 15-ти сажень. Отъ Чата въ рѣкѣ начинаютъ попадаться разныхъ породъ рыбы, въ томъ числѣ сазанъ, судакъ, усачъ.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1874 году генераломъ Ломакинымъ, рѣка Атрекъ отъ Чата, въ прежнее время, большую часть своихъ водъ направляла къ сѣверо-западу и орошала обширное пространство до колодцевъ Бугдайлы (¹), и даже до бывшаго Хивинскаго залива на Каспійскомъ морѣ.

Почва на этомъ пространствѣ плодородная и при нѣсколькихъ весеннихъ дождяхъ допускаетъ даже въ настоящее время посѣвы пашень и бачкей безъ искусственнаго орошенія.

Въ этомъ районѣ находятся обширныя развалины огромнаго города

(¹) На дорогѣ изъ Красноводска въ Чикишляръ.

Месторіана, постройки котораго были возведены изъ сжеанаго кирпича, которымъ туркмены пользуются и до настоящаго времени. Между развалинами сохранилось нѣсколько минаретовъ.

Слѣды обширной рѣки и множество оросительныхъ каналовъ—все указываетъ, что нѣкогда эта мѣстность, пустынная въ настоящее время, кипѣла жизнію.

По мнѣнію опрошенныхъ генераломъ Ломакинымъ туркменъ-іомудовъ, если сдѣлать плотину у Чата, то можно и въ настоящее время направить значительную часть воды по старымъ каналамъ. Мало того, іомуды берутся устроить этотъ поворотъ воды своими средствами, если только будутъ увѣрены, что ихъ не тронутъ ни туркмены-текинцы, ни курды.

Отъ переправы Чельте-алунъ, Атрекъ снова принимаетъ западное направленіе и, пройдя около 60-ти верстъ, вливается нѣсколькими рукавами въ заливъ Гассанъ-Кули. Рѣка течетъ въ довольно низкихъ берегахъ, разливаясь въ нижнемъ теченіи на большое пространство и образуя два значительныхъ озера, соединенныхъ непрерывными топями и камышами, верстъ на 20. Изъ Атрека, въ этой части его теченія, проведено много оросительныхъ каналовъ, изъ коихъ весьма значительные каналы на правомъ берегу брошены; каналы же на лѣвомъ берегу и въ настоящее время разводятъ воду по пашнямъ. Вся мѣстность въ нижнемъ теченіи Атрека представляетъ превосходныя пахатныя земли и покосные луга. Переправа въ нижнемъ теченіи рѣки, не смотря на значительный расходъ воды по озерамъ, болотамъ, каналамъ, возможна тоже, только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Растительность по рѣкѣ такая же, какъ и въ среднемъ ея теченіи, т. е. встрѣчаются гребенщикъ, верблюжья трава, бурьянъ; прибавляется къ нимъ вновь только камышъ. Изъ животныхъ, много кабановъ, кулановъ (дикихъ лошадей), дикобразовъ, волковъ и шакаловъ. Дичи въ озерахъ, камышахъ и плавняхъ масса; гуси, утки, курочки, стрепеты носятся тучами. Климатъ, вслѣдствіе болотъ, нездоровый. Лѣтомъ свирѣпствуютъ лихорадки. Жары весьма сильныя. Множество комаровъ и мухъ. Дожди выпадаютъ весьма рѣдко.

По самому берегу моря климатъ болѣе умѣренный и менѣе нездоровый. Вода на всемъ протяженіи Атрека мутная, грязная, быстрота теченія не болѣе трехъ верстъ въ часъ. За исключеніемъ устьевъ, вода вездѣ совершенно прѣсная и здоровая. Въ самыхъ устьяхъ вода Атрека въ маловодіе отъ соприкосновенія съ солончаковыми берегами становится горько-соленою и ея не пьютъ даже лошади и верблюды. При половодѣ, весной, вода не только въ устьяхъ Атрека, но даже

въ самомъ заливѣ Гасанъ-Кулинскомъ становится довольно прѣсною. По Атреку ходятъ небольшія туркменскія лодки. Главный притокъ Атрека—рѣка Сумбаръ, принимающая съ лѣвой стороны р. Чандыръ. Обѣ эти рѣчки служатъ для орошенія при помощи каналовъ туркменскихъ полей. Въ особенности сильно разбирается вода Чандыра для пашень туркменовъ-гоклановъ.

Вода въ Сумбарѣ мутная и повидимому не вполне здоровая для употребленія. Въ періодъ осеннихъ дождей Сумбаръ переходимъ въ бродъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и то съ трудомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ и о мѣстности къ югу отъ Атрека къ р. Гургену, и далѣе—къ рѣчкѣ Карасу, тоже населенной туркменскими племенами.

Рѣка Гургенъ течетъ параллельно Атреку въ 40—60 верстахъ отъ него и имѣетъ схожій съ нимъ характеръ. По всему теченію этой рѣки, имѣющему до 200 верстъ, она течетъ, кромѣ верховьевъ, въ довольно низменныхъ берегахъ. Ширина ея почти такая, же какъ и Атрека (5—6 сажень), но она не такъ глубока и черезъ нее имѣется много переправъ въ бродъ. По правому ея берегу въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны слѣды большой стѣны изъ сжанаго кирпича, «Кызыль-Аланъ», постройку коей приписываютъ Александру Македонскому. Верховья этой рѣки, верстахъ въ 150 отъ моря, лежатъ въ горной мѣстности, богатой лѣсами, чрезвычайно плодородной и довольно густо населенной туркменами-іомудами и гокланами, отдѣленными одни отъ другихъ рѣчкою Караджа-су. По покатолямъ горъ растутъ гранатники, грецкій орѣхъ, виноградъ, смоква и шелковица. Пашни по Гургену и верстахъ въ 10-ти къ сѣверу отъ него не имѣютъ оросительныхъ каналовъ, какъ на Атрекѣ, и, благодаря обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ, приносимымъ западными вѣтрами съ южной части Каспійскаго моря, даютъ прекрасные урожаи безъ искусственнаго орошенія. Такъ, урожай пшеницы въ самъ-30 считается довольно обыкновеннымъ. Въ средней части пространство между Гургеномъ и Атрекомъ изрыто глубокими оврагами, и, наконецъ, въ западной части представляетъ совершенную равнину. Какъ въ средней, такъ и въ западной частяхъ страны, пашни и аулы туркменъ (іомудовъ) занимаютъ полосы земли верстъ въ 10 шириною по южному берегу Атрека и сѣверному Гургена. Середина же между этими полосами, верстъ въ 20 шириною, представляетъ изъ себя пастбище для верблюдовъ, лошадей и овецъ, принадлежащихъ туркменамъ. Наконецъ, еще южнѣе Гургена, по границѣ Туркменіи съ Астрабадскою провинціею, течетъ р. Кара-су—въ болоти-

стой, заросшей камышомъ долинѣ и представляетъ общую длину теченія всего въ 60 верстѣ.

Переходя къ очерку юго-восточной части Туркменіи, повторимъ, что общій характеръ этой части далеко не отличается такимъ относительнымъ разнообразіемъ въ рельефѣ, какъ только что разсмотрѣнная западная часть Туркменіи.

На юго-востокъ отъ Узоя разстилается песчаная пустыня на 600—700 верстѣ длины при 300 верстахъ ширины, покрытая мѣстами саксауломъ. Двѣ довольно значительныя рѣки: *Мурхабъ* и *Гери-рудъ*, берущія начало въ Параломійскихъ горахъ, въ предѣлахъ Афганистана, прорѣзываютъ ее и теряются въ пескахъ. За послѣднее время свѣдѣнія наши о юго-восточной части Туркменской степи нѣсколько пополнились изслѣдованіями полковника Петрусевица, посѣтившаго Хоросанъ и доставившаго обширный матеріалъ по изученію этой провинціи, и полковника Гродекова, совершившаго смѣлую поѣздку изъ Ташкента черезъ Афганскій Туркестанъ (Мазари Шерифъ, Маймене, Гератъ) и сѣверный Хоросанъ въ Красноводскъ.

Рѣка Гери-рудъ около 400 верстѣ, течетъ по Афганскимъ предѣламъ (¹). Дойдя до персидской границы, Гери-рудъ принимаетъ направленіе на сѣверъ, прорываетъ встрѣчныя горныя цѣпи близъ укрѣпленія Серахса, составляющаго главный, хотя слабый, оплотъ персовъ противъ хищничества мервскихъ туркменъ и выходитъ въ Туркменскую степь. За Серахсомъ Гери-рудъ принимаетъ названіе *Тедженъ-дары*, течетъ близъ Келатскихъ горъ, а затѣмъ, на высотѣ Аскабада, одного изъ центровъ Ахалъ-Текинскаго оазиса, оканчивается въ болотахъ и озерахъ, образуемыхъ при весеннихъ разливахъ, не дойдя до Каспійскаго моря 500 верстѣ.

По свѣдѣніямъ полковника Петрусевица, во время половодья черезъ рѣку Тедженъ никогда не бываетъ переправы; съ убылью воды рѣка изсыкаетъ и къ осени не доходитъ до образованныхъ ею весною озеръ. Вода въ рѣкѣ принимаетъ къ осени солоноватый вкусъ, а вода въ озерахъ становится вовсе негодна для питья. Туркмены добываютъ прѣсную воду, вырывая колодцы по высохшему руслу рѣки, причемъ вода оказывается на самой незначительной глубинѣ.

Рѣка Мурхабъ, беря начало на сѣверныхъ склонахъ Параломиза, течетъ въ направленіи параллельномъ р. Гери-руду и сближаясь съ нею до 180—200 верстѣ. На этой рѣкѣ лежитъ Мервъ, представляющій довольно значительную воздѣланную площадь, орошенную каналами

(¹) Г. Гератъ стоитъ на этой рѣкѣ.

изъ р. Мурхаба при помощи грандіозныхъ плотинъ. За Мервомъ Мурхабъ теряется въ пескахъ, какъ и Теджентъ.

Кругомъ Мерва лежитъ пустыня, прикрывающая хищныхъ мервскихъ туркменъ лучше крѣпостей отъ справедливой кары со стороны Афганистана, Персіи, Бухары и Хивы. Свойства этой пустыни различны. Пустыня, разстилающаяся на сѣверъ, сѣверо-западъ и востокъ, песчана, почти безводна. Небольшое число колодцевъ, существующихъ по нѣсколькимъ путямъ къ Аму-дарьѣ, легко засыпаетъ, а разстояніе между этими колодцами достигаетъ иногда почти сотни верстъ. Къ югу отъ Мерва пространство между рѣками Мурхабомъ и Гери-рудомъ иного характера и носитъ очевидные слѣды когда-то существовавшей культуры. Пески разбросаны по этому пространству оазисами, между значительными участками глинистой почвы, годной для воздѣлыванія. Слѣды каналовъ, выведенныхъ изъ Мурхаба, и слѣды значительныхъ поселеній встрѣчаются весьма часто. Въ особенности замѣчательнъ каналъ Караябъ, который подходитъ къ Тедженту на 60 верстъ. По мнѣнію полковника Петрусевича, вода изъ Мурхаба и въ настоящее время могла бы заполнить Караябъ, если бы не разбиралась для орошенія Мерва въ 24 большихъ канала.

Пути сообщенія.

Туркменская степь перерѣзана многочисленными караванными путями, соединяющими ханства Хивинское и Бухарское съ побережьемъ Каспійскаго моря, Персією и Афганистаномъ. На этихъ путяхъ, пролегающихъ на сотни верстъ по безводной пустынѣ, вырыты съ огромнымъ трудомъ колодцы, частью въ весьма отдаленное, частью въ новѣйшее время. Глубина этихъ колодцевъ иногда весьма значительна, особенно на Усть-Урѣ, гдѣ достигаетъ 30-ти сажень. Колодцы, вырытые въ пескахъ, мелки и въ западной части Туркменской степи не превосходятъ одной сажени. Значительная часть туркменскихъ колодцевъ вырыта плѣнными персіанами, которые очень искусны въ этой работѣ.

Слѣды путей между колодцами обозначаются верблюжьими тропами, которые часто на большія разстоянія заносятся пескомъ, почему для слѣдованія по нимъ необходимы опытные вожаки. Движеніе черезъ пески представляетъ большія трудности, но за то въ пескахъ чаще встрѣчаются колодцы; они, какъ мы уже сказали, мельче и съ лучшею, сравнительно, водою.

Вообще пути черезъ Туркменію бѣдны подножнымъ кормомъ, водою и топливомъ. Этимъ послѣднимъ служатъ скудные степныя травы, кизякъ, рѣже гребенщикъ и саксауль.

По путямъ этимъ способны двигаться только верблюдъ и караваны и войска преимущественно съ верблюдскими обозами. Движеніе войскъ, вслѣдствіе недостатка воды, подножнаго корма и топлива, должно производиться малыми отрядами не болѣе какъ по нѣскольکو сотъ человѣкъ въ каждомъ. Отрядъ сколько нибудь значительной силы приходится двигать по параллельнымъ путямъ, или по-эшелонно, на два и до четырехъ переходовъ одинъ отъ другаго. Слѣдуя по путямъ малоизвѣстнымъ, или на которыхъ грозитъ опасность отъ нападенія, первые эшелоны нашихъ войскъ, отойдя на 100—150 верстъ, останавливались на нѣсколько дней, устраивали самый незначительной профили укрѣпленія или, вѣрнѣе, окапывались валиками, очищали колодцы, собирали топливо. При дальнѣйшемъ слѣдованіи подобный пунктъ составлялъ этапъ, на которомъ оставался незначительный гарнизонъ изъ подходившихъ войскъ. При обратномъ слѣдованіи войска наши находили на этихъ этапахъ воду, топливо, продовольствіе и даже иногда бани. При передвиженіяхъ на нѣсколько сотъ верстъ и при необходимости везти при себѣ продовольствіе для людей, зерно для лошадей, боченки и бурдюки для воды, подстилочный войлокъ для людей, а зимою кибитки, или джаломейки, обозъ отряда долженъ разсчитываться *по одному верблюду на каждого человѣка*.

Свойство большей части путей допускаетъ свободное движеніе колеснаго обоза, но обозъ этотъ при запряжкѣ его лошадьми повезетъ только фуражъ для самихъ обозныхъ лошадей, а на иныхъ путяхъ еще долженъ будетъ возить и воду для нихъ.

Движеніе по туркменскимъ путямъ конныхъ отрядовъ значительнаго состава весьма трудно, и для лошадей, непривычныхъ къ степи, жару, недостатку фуража и воды, часто дурному ея качеству, можно думать— мало возможно, хотя привычные туркменскіе кони съ невѣроятною быстротою проходятъ пространства въ нѣсколько сотъ верстъ по дорогамъ, на которыхъ колодцы отстоятъ одинъ отъ другаго часто болѣе чѣмъ на 50—70 верстъ.

Нѣкоторые изъ путей не только допускаютъ движеніе колеснаго обоза, но даже явилось предположеніе испытать для движенія по нимъ полевые паровозы.

Изъ хивинскаго оазиса, преимущественно изъ городовъ Куны-Ургенца и Хивы, пути направляются: 1) къ Мангышлакскому полуострову, къ укрѣпленію Александровскому и къ заливу Киндерлинскому; 2) къ заливу Красноводскому и къ укрѣпленіямъ Красноводску и далѣе къ заливу Гассанъ-Кулинскому (устьямъ Атрека) и персидскимъ владѣніямъ; 3) къ Текинскому оазису; 4) къ Мервскому оазису и къ Афганскимъ пре-

дѣламъ; 5) въ Афганистанскій Туркестанъ вдоль лѣваго берега Амударьи, черезъ кочевья туркменъ, зависимыхъ отъ Бухары.

Изъ бухарскихъ владѣній въ Туркменскую степь ведутъ пути изъ Чарджуя къ Мерву и изъ укрѣпленія Карки въ восточный Туркестанъ, къ владѣнію Андхай.

Вдоль берега Каспійскаго моря идетъ нѣсколько путей изъ Мангышлакскаго полуострова къ Красноводску и далѣе къ Чекишляру и персидской границѣ.

Отъ Красноводска ведетъ путь между большими и малыми Балханскими горами къ Текинскому укрѣпленію Кызыль-Арвату и затѣмъ, по подножію Кюрренъ-дага, черезъ весь Текинскій оазисъ. Къ этому пути выходитъ другой изъ Чекишляра, правымъ берегомъ Атрека, къ устью Сумбара, въ укрѣпленіе Чатъ, и затѣмъ вверхъ по Сумбару, тоже къ укрѣпленію Кызыль-Арвату, гдѣ онъ выходитъ на первый путь изъ Красноводска.

Дорогою по Сумбару можно выдти, кромѣ того, къ одному изъ пунктовъ Текинскаго оазиса, болѣе восточному, чѣмъ Кызыль-Арватъ, на примѣръ къ Беурму.

Быть можетъ изслѣдованіе покажетъ, что существуютъ еще и иные пути (въ персидской территоріи) къ текинскимъ укрѣпленіямъ Карызу, Аскябаду, болѣе восточные, чѣмъ путь по Сумбару.

Изъ Текинскаго оазиса ведутъ слѣдующіе пути:

1) Къ рѣкѣ Таджинъ-даръѣ (Гери-рудъ) и вверхъ по этой рѣкѣ въ Афганскіе предѣлы къ г. Герату. 2) Къ рѣкѣ Таджинъ-даръѣ и далѣе къ Мерву и затѣмъ, вверхъ по рѣкѣ Мурхабъ, въ Афганскій Туркестанъ.

Наконецъ пути моремъ, имѣющіе для насъ весьма значительную важность, соединяють города Гурьевъ, Астрахань, Петровскъ и Баку съ различными пунктами на восточномъ берегу Каспія: съ укрѣпленіями Александровскимъ, Красноводскимъ, Михайловскимъ, Чекишляромъ, морскою станціею Ашуръ-Аде и другими.

При большой водѣ доставка моремъ людей и тяжестей изъ Астрахани въ укрѣпленіе Александровское требуетъ не болѣе сутокъ; въ заливъ Балханскій—отъ двухъ съ половиною до трехъ; въ Ашуръ-Аде—до трехъ съ половиною. При сильныхъ западныхъ вѣтрахъ и туманахъ плаваніе замедляется. Изъ Петровска и Баку переѣздъ въ Александровскъ и Красноводскъ совершается въ однѣ сутки, даже на парусныхъ судахъ. Въ Баку мореплаваніе возможно круглый годъ.

Для лучшаго ознакомленія со свойствомъ путей въ Туркменіи, при-

ведемъ характеристику и частью описанія главнѣйшихъ изъ нихъ, сдѣланныя различными изслѣдователями.

1) *Пути Красноводско-Хивинскіе.* Между Красноводскомъ и Аму-дарею существуетъ нѣсколько караванныхъ путей, а именно:

1) Путь по Узбою до к. Бала-Ишема и далѣе на Ортакую, Ярты, Шахъ-Сенемъ и Змукширъ, слишкомъ въ 800 верстѣ.

2) По тому же направленію, но отъ Чарышлы, на Сары-Камышъ, Декче и Куны-Ургенчъ тоже до 800 верстѣ.

3) На Сюйли, Гезли-ата, Чагилъ, Дахлы, Чарышлы и далѣе на востокъ къ Кызыль-Чакыру и Змукширу—600 верстѣ.

4) На Сюйли, Туаръ, Кумъ-Себшенъ, Казахлы, Узунъ-кую, Сары-Камышъ, Декче и Куны-Ургенчъ—600 верстѣ.

Въ 1876 году начальнику Закаспійскаго отдѣла, генералъ-маіору Ломакину, поручено было, для установленія постоянного караваннаго пути между Красноводскомъ и Аму-дарею, выбрать одинъ изъ выше-приведенныхъ путей.

23-го августа отрядъ нашъ ⁽¹⁾, въ двухъ эшелонахъ, благополучно прошелъ черезъ колодцы Бурнакъ, Сюльменъ, Сюйли, Кешаби, Гезли-ата-Бульмудзыръ, Огламышъ и Чагылъ къ Кумъ-Себшену, сдѣлавъ въ 11 дней марша—260 верстѣ. По всему пройденному пути видны были слѣды обширныхъ недавнихъ еще кочевокъ, а у каждого колодца—слѣды большихъ ауловъ. Дорога не вездѣ оказалась удобною для колеснаго движенія, и взятые изъ Красноводска семь фургоновъ были оставлены и зарыты въ пескахъ съ тѣмъ, чтобы захватить ихъ на обратномъ пути. Вода въ Кумъ-Себшенѣ оказалась горьковатаго вкуса.

Изъ Кумъ-Себшена, 25-го и 26-го августа, отрядъ, двигаясь тоже двумя эшелонами по Усть-Урту, черезъ колодцы Казахлы, достигъ колодца Узунъ-кую. Въ этомъ послѣднемъ колодцѣ вода изобильна и хорошаго качества. Въ колодцѣ же Казахлы—тухлая.

28-го и 29-го августа эшелоны выступили съ колодца Узунъ-кую и въ два дня прошли 100 верстѣ по сыпучимъ и безводнымъ пескамъ къ колодцу Декче, лежащему уже въ предѣлахъ хивинскаго ханства. Отрядъ въ 16 дней марша сдѣлалъ 530 верстѣ, т. е. по 33 версты въ каждый.

Затѣмъ отрядъ прослѣдовалъ до первой проточной воды черезъ колодцы Еръ-Бурунъ, Балыклы, Кариджи-Кумъ къ плотинѣ Ушакъ-бентъ, гдѣ и оставался по 14-е октября.

Для обводненія пройденнаго пути были приняты слѣдующія мѣры:

(1) Въ составѣ 903 человекъ, 201 строевой лошади, при 900 верблюдахъ.

Предположено было расчистить существующій колодець въ Узунъ-кую и вырыть два новыхъ на пространствѣ до колодца Декче. Съ этою второю цѣлью были установлены два буровыхъ снаряда ⁽¹⁾, первый въ 28 верстахъ отъ Узунъ-кую, на спускѣ съ Усть-Урта, въ пескахъ Акъ-Енишъ. Второй въ 43 верстахъ отъ перваго, у воротъ Кохъ-Пуларъ, отъ коихъ открываются Сарыкамышскія ворота ⁽²⁾.

Для исправленія старыхъ и рытья новыхъ колодцевъ въ Сары-Камышѣ наняты туркмены и узбеки. Въ прикрытіе работъ оставлены три роты пѣхоты и одно орудіе.

Въ Узунъ-кую приказано было возобновить укрѣпленіе, построенное въ этомъ пунктѣ полковникомъ Маркозовымъ въ 1871 г. ⁽³⁾.

На мѣстахъ закладки двухъ буровыхъ колодцевъ были устроены небольшія укрѣпленія, на роту пѣхоты каждое.

Четвертый этапъ былъ образованъ на колодцахъ Декче, гдѣ оставлена рота пѣхоты, 20 казаковъ и команда милиціи.

14-го октября отрядъ нашъ выступилъ обратно и 29-го октября прибылъ въ Кумъ-Себшенъ, присоединивъ къ себѣ и упомянутыя выше четыре роты, оставленныя въ первый путь для работъ по обводненію пути и для обезпеченія сообщенія.

Съ Кумъ-Себшена отрядъ направился по болѣе сѣверной дорогѣ на колодцы Секизь-ханъ, Туаръ-Пертокупъ, Сюили въ Красноводскъ, куда и вступилъ 9-го ноября. Погода при обратномъ пути стояла весьма суровая. При постоянномъ морозѣ дули сѣверо-восточные вѣтры; вода въ боченкахъ мерзла, палатки сносило вѣтромъ.

По мнѣнію генералъ-маіора Ломакина, пройденный имъ путь, при обратномъ движеніи, названный *Кумъ-Себшенскимъ*, оказался самымъ кратчайшимъ и наиболѣе удобнымъ изъ всѣхъ путей, связывающихъ Аму-дарью съ Красноводскомъ. Въ своемъ донесеніи относительно этого пути генералъ-маіоръ Ломакинъ, между прочимъ, пишетъ: «Отъ Красноводска до Хивинскаго оазиса ⁽⁴⁾, по нижней, южной дорогѣ на Ксшаба, Гезли-ата, Отламышъ и Чагыль 530 верстъ, а по сѣверной — на ямы Персу-Кунъ (Перто-купъ) и Секизь-ханъ всего 470 верстъ. Отрядъ прошелъ южный путь въ 16, а сѣверный въ 13 переходовъ; легкіе же караваны совершаютъ

⁽¹⁾ Дѣлающіе развѣдку до 40 сажень.

⁽²⁾ Къ сожалѣнію, работы эти не были окончены, ибо отрядъ нашъ долженъ былъ воротиться обратно, влѣдствіе волненія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ.

⁽³⁾ Небольшой отрядъ полковника Маркозова въ 1871 г. произвелъ чрезвычайное смѣлое движеніе и достигъ колодцевъ Декче.

⁽⁴⁾ Хивинскій оазисъ начинается отъ колодца Декче и Ербуруна, отъ коихъ вездѣ есть прѣсная, обильная вода.

этотъ путь въ 10 дней, конные люди въ шесть дней. Путь этотъ доступенъ во всякое время года, бураны бываютъ тутъ рѣдко, и то на небольшомъ лишь пространствѣ 60-ти верстъ, по Усть-Урту, между колодцами Казахлы и Узунъ-кую. Надлежащее устройство и обводненіе этого пути не представляетъ никакихъ затрудненій» (1).

2) *Путь отъ Красноводска до Кызылъ-Арвата*. Путь отъ укрѣпленія Красноводска къ Текинскому оазису идетъ на постъ Михайловскій, урочище Мулла-Кари и затѣмъ огибаетъ съ юга большія Балханскія горы, пересѣкаетъ Узбой и достигаетъ перваго Текинскаго укрѣпленія Кызылъ-Арвата у подножія Кюрендагскихъ горъ.

Путь этотъ впервые описанъ въ 1871 году генераломъ Стебницкимъ (2). Исходный пунктъ этого пути, есть укрѣпленіе Красноводскъ, занятое нами въ 1869 году. Укрѣпленіе Красноводскъ построено на небольшой, слабо наклонной къ морю долинь, образуемой отрогами Балханскихъ горъ. Въ окрестностяхъ Красноводска, по ущельямъ и по склонамъ горъ, растительная почва сильно смѣшана съ обломками и дресвою отъ твердыхъ породъ (гранитовыхъ, известковыхъ и другихъ), вслѣдствіе чего на ней не растетъ ничего кромѣ бурьяна. Вода въ укрѣпленіи имѣется изъ одного очень небольшого, но съ хорошею водою родника и нѣсколькихъ колодцевъ, частью существовавшихъ, частью вырытыхъ уже послѣ занятія нами Красноводска. Вода въ колодцахъ болѣе или менѣе соленая (3), но при привычкѣ къ ней довольно сносная для питья. Глубина колодцевъ отъ 16 до 40 футовъ, и горизонтъ воды въ нихъ почти на одномъ уровнѣ съ морскимъ.

Второй пунктъ, занятый нашими войсками послѣ Красноводска на берегу Каспійскаго моря, есть постъ Михайловскій, на берегу залива того же имени. Кругомъ поста Михайловскаго, на далекое разстояніе, почва состоитъ изъ холмовъ сыпучаго песку, перемежающихся солончаками. Воды, не только прѣсной, но вообще сколько нибудь годной для питья, вовсе нѣтъ. При попыткахъ добыть воду, посредствомъ Портоновскихъ переносныхъ колодцевъ, въ нихъ показалась горько-соленая вода: теперь воду привозятъ изъ Красноводска и хранятъ ее въ чугунныхъ цистернахъ. Топливомъ служить саксаулъ и гребенщикъ, растущіе (хотя и не въ изобиліи) близъ укрѣпленія.

Сообщеніе между Красноводскомъ и Михайловскимъ производится моремъ. При движеніи отъ Красноводска къ Текинскому оазису, на

(1) Рапортъ генерала-маіора Ломакина начальнику Кавказскаго горскаго управления отъ 20-го ноября № 2,384.

(2) «Замѣтки о Туркменіи», Стебницкаго 1871 года.

(3) Въ степи даже довольно соленая вода считается годною для варки пищи.

урочище Мулла-Кари, къ Кызылъ Арвату, Михайловское укрѣпленіе служить первымъ этапнымъ пунктомъ для войскъ, слѣдующихъ изъ Красноводска, чѣмъ сокращается въ значительной мѣрѣ сухопутный для нихъ путь.

Путь отъ Михайловскаго поста до урочища Мулла-Кари 20³/₄ версты, по описанію г. Стебническаго, пролегаетъ по волнистой, песчаной мѣстности, перемежающейся солончаками. Діаметръ солончаковъ доходитъ до одной версты. Въ сухое время солончаки настолько тверды, что на нихъ копыто лошади почти не оставляетъ слѣда. Не доходя версты до укрѣпленія Мулла-Кари, дорога спускается по довольно крутому песчаному берегу одного изъ рукавовъ стараго русла Аму-дарьи—Актаму, за которымъ сейчасъ лежитъ урочище Мулла-Кари. Въ рукавѣ этомъ находится морская вода. Ширина русла противъ Мулла-Кари въ 60 сажень, при глубинѣ въ 3¹/₂ фута. Чрезъ эту воду устроена гать. На урочищѣ Мулла-Кари въ 1870 г. мы имѣли постъ, помѣщавшійся въ небольшомъ редутѣ съ водянымъ рвомъ, теперь оставленный. Вода въ колодцахъ содержитъ въ себѣ слабо соленую воду, съ сильнымъ запахомъ сѣрнисто-водороднаго газа. Топливо—саксаулъ и бурьянъ.

Отъ Мулла-Кари дорога слѣдуетъ на колодцы Кутоль, Кара Ишанъ къ колодцамъ Айдинъ, лежащимъ недалеко отъ Узбоя. Всего отъ Мулла-Кари до Айдина 66 верстъ. Переходъ отъ Мулла-Кари до колодцевъ Кутоль 15 верстъ; дорога идетъ песками и частью болѣе или менѣе значительными солонцами. Нѣсколько колодцевъ Кутоль находятся въ небольшихъ котлообразныхъ углубленіяхъ и обдѣланы плетнемъ; вода въ нихъ солоноватаго вкуса, съ легкимъ запахомъ сѣрнистаго водорода. Отъ колодцевъ Кутоль къ почвѣ песчаной примѣшивается значительное количество мелкаго камня; мѣстность покрыта бурьяномъ. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько неглубокихъ ложбинъ, свыше 50 сажень шириною. Колодцы Тагиръ и далѣе болѣе двадцати колодцевъ Кара-Ишанъ лежатъ въ подобныхъ ложбинахъ. Вода въ нихъ слегка солоноватаго вкуса. Колодцы обдѣланы плетнемъ. Около первыхъ изъ нихъ видны слѣды туркменскихъ шаекъ. Во время перехода отъ Кутула до Кара-Ишанъ, съ дороги на сѣверъ, видны Большія Балханскія горы, а на югъ разстилается обширная степь съ скудною бурьянною растительностію.

Видимая часть Балханскихъ горъ представляется довольно плоскою съ крутыми скатами сверху и дѣлающимися болѣе пологими къ низу; между этими скатами видны ущелья, недалеко вдающіяся внутрь и ограниченные острыми ребрами отроговъ.

Далѣ къ колодцамъ Айдинъ ложбины попадаютъ чаще и чаще, и дорога подходитъ къ уступу, съ котораго идетъ спускъ въ Узбой. Г. Стебницкій такъ описываетъ эту часть стараго русла (1). «Опустившись съ уступа, мы увидѣли ясно, что вступили въ сухое русло Аму-дарьи или Узбоя. Съ обѣихъ сторонъ оно ограничено берегами и особенно ясенъ правый, болѣе возвышенный, а оттого менѣе изгладившійся берегъ. Дно русла большею частью лишено всякой растительности и состоитъ изъ глинистаго или иловатаго песку, расположеннаго совершенно горизонтально и изрытаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, вѣтромъ.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ береговъ и на отдѣльныхъ круглыхъ возвышеніяхъ въ видѣ банокъ (въ руслѣ) весьма явственно видны слои иловатыхъ отложений, какъ иногда бываетъ на берегахъ большихъ рѣкъ, послѣ того какъ спадутъ высокія весеннія воды. Очертанія береговъ и особый грунтъ, рѣзко отличающійся отъ окрестной почвы, показываетъ, что это русло принадлежало большой рѣкѣ; общая физіономія мѣстности такъ живо напоминаетъ рѣку, всѣ признаки ея такъ ясны, что не достаетъ только воды: кажется, будто она недавно оставила свое ложе».

Долина или русло со всѣми разливами составляетъ въ мѣстѣ перехода четыре слишкомъ версты. Дорога, поднявшись на правый берегъ Узбоя, идетъ по постепенно возвышающейся мѣстности по грунту песчаному, песчано-глинистому, кой-гдѣ покрытому кустарною растительностью, и черезъ четыре версты приводитъ къ колодцамъ Айдинъ. Эти колодцы, въ числѣ 16, довольно глубоки и имѣютъ относительно весьма сносную воду. Отъ колодцевъ Айдинъ дорога идетъ по совершенно безводной мѣстности 64 версты къ подошвѣ Кюрендагскихъ горъ, къ колодцамъ Казанчинъ (2). Грунтъ песчаный, глинистый и частью солонцоватый; къ рѣдкому бурьяну примѣшиваются деревца саксаула, вышиною фута въ четыре. Для слѣдованія по этому безводному пространству вода запасается въ Айдинѣ и перевозится въ бурдюкахъ или боченкахъ.

При слѣдованіи по этому пути нашего отряда въ декабрѣ 1870 г. первый ночлегъ отъ колодцевъ Айдинъ былъ сдѣланъ въ 28 верстахъ отъ нихъ, у подножія Малыхъ Балхановъ. Затѣмъ остальное разстоя-

(1) «Замѣтки о Туркменіи» Стебницкаго 1871 г. стр. 36-я.

(2) Въ 1877 году отрядъ нашъ изъ Красноводска отъ колодца Айдинъ слѣдовалъ къ Кызыль-Арвату дорогой болѣе сѣверной, на колодцы Ахча-Куйма—26 верстъ; колодцы Итакъ — 26, Капланлы — 18, Кутунъ-Куйма — 17 верстъ, Аджибъ—34, Кызыль-Арватъ—20 верстъ. Путь этотъ болѣе удобный, чѣмъ описанный.

ніе до колодцевъ Казанчикъ, въ 36 верстѣ, предположено было пройти въ одинъ переходъ, но вслѣдствіе сильнаго тумана проводникъ сбился съ дороги и пришлось сдѣлать еще два безводныхъ перехода.

Колодцы Казанчикъ лежатъ въ ущельѣ Кюрендагскихъ горъ, по которому протекаетъ ручей. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошаго качества, какой не встрѣчается за весь пройденный путь. Отъ колодцевъ Казанчикъ до Текинскаго укрѣпленія Кызыль-Арватъ, на протяженіи 69 верстѣ, дорога идетъ по подошвѣ Кюрендагскихъ горъ, по грунту довольно твердому, хрящеватому и только частью, на небольшомъ переходѣ, по песчано-глинистому (довольно вязкому при дождѣ), пересѣкая значительное число сухихъ руселъ, имѣющихъ до одной сажени ширины и до четырехъ футовъ глубину. Верстахъ въ восьми отъ Казанчика близъ родника Иджири находятся небольшіе туркменскіе огороды (бакчи). Растительность нѣсколько живѣе, чѣмъ въ песчаныхъ пространствахъ: кромѣ бурьяна, возлѣ высохшихъ ручьевъ, растутъ небольшія кривыя деревья, а вверхъ по ущельямъ, ближе къ горамъ, замѣтна травяная растительность. По дорогѣ встрѣчаются нѣсколько родниковъ и колодцевъ; изъ нихъ въ родникъ Узунъ-су вода минеральнаго вкуса, съ запахомъ сѣрнистаго водорода. Измѣренная температура воды, три 2° Р. въ воздухѣ (7-го декабря 1870 г.) дала 18½ °/ Р., т. е. Узунъ-су слѣдуетъ отнести къ теплымъ минеральнымъ источникамъ. Въ родникъ Арватъ и въ колодцѣ Ушакъ вода хорошаго качества.

На мѣстности, прилегающей къ подошвѣ Кюрендага, при орошеніи, возможна культура. Способная къ воздѣлыванію, почва на высотѣ Кызыль-Арвата простирается всего на шесть — семь верстѣ, въ иныхъ мѣстахъ и менѣе, а затѣмъ идетъ, далеко на сѣверъ, опять песчаная степь съ солончаками.

По описанію г. Стебническаго, строеніе Кюрендага представляетъ съ дороги высокую, болѣе 2,000 ф. горную массу значительнаго протяженія, безъ большихъ отроговъ, къ сторонѣ дороги прорѣзанную многими, вдающимися во внутрь ея на нѣсколько верстѣ ущельями, которыя ограничены небольшими отрогами. Вершины на главной массѣ Кюрендага довольно плоскія, а на отрогахъ куполообразныя и коническія, скаты вверху крутые, а къ низу болѣе пологіе; въ ущельяхъ лѣса не замѣтно.

Масса Кюрендага состоитъ изъ известняка и песчаника. Отъ колодцевъ Казанчикъ до укрѣпленія Кызыль-Арвата наибольшее значеніе имѣютъ колодцы Ушакъ, лежащіе въ 40 верстахъ отъ Казанчика. Эти колодцы составляютъ соединеніе пути изъ Красноводска въ Текин-

скій оазисъ съ дорогою изъ Хивы, продолженіе которой идетъ по р. Сумбару къ р. Атреку и далѣе въ персидскія владѣнія.

Укрѣпленіе Кызыль-Арватъ лежитъ на 222-й верстѣ отъ поста Михайловскаго, возвышаясь на 480 футовъ надъ уровнемъ Каспійскаго моря. По срединѣ долины, въ которой расположено это укрѣпленіе, протекаетъ довольно изобильный хорошею водою ручей Кызыль-Арватъ-су, дающій достаточно воды для поливки довольно значительныхъ бакчей, огородовъ и пашень туркменъ. Вся долина способна къ воздѣлыванію.

Въ 1870 г. укрѣпленіе Кызыль-Арватъ считалось однимъ изъ сильнѣйшихъ во всемъ Текинскомъ оазисѣ и неприступнымъ для хивинцевъ и курдовъ. Но, съ приближеніемъ нашихъ войскъ, туркмены бросили его безъ обороны и оно было разрушено. Въ виду общности типа всѣхъ укрѣпленій туркменъ, приведемъ слѣдующія данныя о Кызыль-Арватѣ. Укрѣпленіе это въ 1870 г. представляло изъ себя четырехъ-угольникъ до 80 сажень въ сторонѣ, обнесенный глиняною стѣною въ 16 футовъ вышины со рвомъ. Толщина стѣны внизу до 16 футовъ, вверху до двухъ футовъ, глубина рва отъ двухъ до девяти футовъ, ширина отъ четырехъ до 12 футовъ. Банкетъ, шириною до семи футовъ, шелъ на высотѣ пяти—шести футовъ. Для ружейной обороны продѣланы бойницы. Съ южной стороны стѣны устроены толстыя, двойныя ворота, съ двумя оборонительными башнями. Внутри укрѣпленія идетъ вторая стѣна такой же высоты, какъ и наружная, но менѣе толстая. Разстояніе между стѣнами около 120 футовъ. Эта вторая стѣна составляетъ цитадель. Стѣны наружныя довольно прочны. Послѣ весьма удачныхъ 30 выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ разстоянія 300 сажень изъ двухъ полевыхъ орудій и одного горнаго единорога, едва удалось пробить въ стѣнѣ небольшую брешь. Внутри укрѣпленія не было никакихъ построекъ, остались только слѣды отъ туркменскихъ кибитокъ; ямы для склада хлѣба и печи. Въ укрѣпленія находились невысокія загородки для загона скота и двѣ небольшія мельницы на ручѣѣ.

Дальнѣйшій путь отъ Кызыль-Арвата, вдоль подошвы Кюрендага по Текинскимъ поселеніямъ, извѣстенъ только по разспроснымъ свѣдѣніямъ, за исключеніемъ участка въ 60 верстъ до Беурма, пройденнаго въ 1871 году нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ полковника Маркова.

Путь черезъ Текинскій оазисъ идетъ черезъ рядъ текинскихъ поселеній и для небольшихъ отрядовъ имѣетъ достаточно воды хорошаго качества и фуража. По мѣрѣ приближенія къ центрамъ текинскихъ поселеній Аскябаду и Гокъ-Тепе, поселенія туркменъ становятся чаще,

обширнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны возрастать и удобства путей черезъ нихъ.

4) *Путь отъ укрѣпленія Чекишляра вдоль р. Атрека къ укрѣпленію Чатъ и далѣе вверхъ по р. Сумбару до бывшаго текинскаго укрѣпленія Кызыл-Арвата.*

Изъ Чикишляра къ укрѣпленію Чатъ ведутъ двѣ дороги: одна параллельно теченію Атрека, мѣстами верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ него; другая вдоль по Атреку.

Первая есть удобнѣйшая. Грунтъ этой дороги на всемъ пути твердый, глинистый, ровный; воды, топлива и фуража достаточно. По этому пути не только могутъ двигаться колесные обозы, но есть предположеніе, что движеніе возможно даже для полевыхъ паровозовъ. На первыхъ 80 верстахъ воду получаютъ изъ колодцевъ. Особенно хороша вода въ колодцахъ *Караджа-Батырь*. Наиболѣе трудная часть пути приходится на первыя пять верстъ отъ Чекишляра, гдѣ дорога идетъ песками. Отъ колодцевъ Караджа-Батырь дорога изъ восточнаго направленія принимаетъ сѣверо-восточное и выходитъ на р. Атрекъ на переправѣ Яглы-Олунъ. Далѣе дорога слѣдуетъ правымъ берегомъ Атрека черезъ переправу Текенджикъ ⁽¹⁾, къ укрѣпленію Чатъ. Всего отъ Чекишляра до Чата 140 верстъ.

Укрѣпленіе Чатъ, построенное при впаденіи въ р. Атрекъ р. Сумбара, можетъ вмѣщать гарнизонъ въ нѣсколько баталіоновъ; оно довольно сильной профили и, кромѣ того, чрезвычайно защищено самою мѣстностью.

Вторая дорога изъ укрѣпленія Чекишляра направляется къ югу, огибаетъ заливъ Гассанъ-Кулинскій и въ урочищѣ Бевюнъ-Баши выходитъ на Атрекъ, которымъ и слѣдуетъ до Чата. Этотъ второй путь въ общемъ тоже пролегаетъ по твердому глинистому грунту; песковъ на немъ нѣтъ. Вода въ изобиліи и прѣсная (р. Атрекъ); корму для скота и топлива достаточно.

Въ первый переходъ отъ Чекишляра, огибая Гассанъ-Кулинскій заливъ и слѣдуя на урочище Бевюнъ-Баши, приходится на протяженіи пяти верстъ проходить черезъ солончаки, по коимъ, во время продолжительныхъ сильныхъ дождей и при разливахъ Гассанъ-Кулинскаго залива, бываетъ грязно и топко. Солонцы эти можно обойти съ сѣвера, сдѣлавъ нѣсколько верстъ крюку. За исключеніемъ этого солонца остальной путь до бывшаго поста *Баятъ-Атжи* и далѣе къ

(1) Отъ колодцевъ Караджа-Батырь можно выдти на Текенджикъ прямою дорогою, если нѣтъ надобности сворачивать на Атрекъ, къ переправѣ Яглы-Олунъ, съ цѣлью, напримѣръ, ночлега.

укрѣпленію Чатъ пролегасть по ровному, большею частью гладкому, твердо-глинистому грунту. Кормомъ для скота, кромѣ степныхъ травъ, часть года служить камышъ; топливомъ бурьянъ и значительныя заросли гребенщика.

Въ 1872 году войска наши у переправы Ахъ-Айла-Олунъ дѣлали даже черезъ лѣсъ гребенщика просѣку. Воды въ изобиліи. Небольшое озерко, находящееся на урочищѣ Бевюнъ-Баши, и болѣе значительное (въ нѣсколько квадратныхъ верстъ) озеро Делидефе, наполнены водою изъ Атрека, но вода стоячая и вслѣдствіе этого не совсѣмъ здоровая, почему ее берутъ изъ большихъ глубокихъ колодцевъ съ хорошею прѣсною водою. На озерахъ бездна дичи. Въ камышахъ водятся кабаны.

По пути слѣдованія черезъ Атрекъ встрѣчается нѣсколько переправъ въ бродѣ. Прежде въ урочищѣ Гудры-Олунъ былъ устроенъ туркменами мостъ, теперь разрушенный. По дорогѣ встрѣчаются слѣды старыхъ пашенъ, по которымъ проведены сухія, въ настоящее время оросительныя каналы (арыки).

Около переправы Яглы-Олунъ, обѣ указанныя дороги соединяются въ одну общую къ укрѣпленію Чату. По этой второй дорогѣ отъ Чикишляра до Чата 160 верстъ, т. е. она длиннѣе первой на 20 верстъ.

Дорога изъ Чата по Сумбару впервые была пройдена въ сентябрѣ прошлаго года отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Ломакина.

Дорога отъ укрѣпленія Чатъ идетъ правымъ берегомъ рѣки Сумбара, къ переправѣ Харъ-Олунъ, 21 верста, далѣе второй переходъ къ переправѣ Шарль-Даунъ (Шариль-дау) въ 22 верстахъ отъ первой. Въ 2½ верстахъ отъ этого послѣдняго пункта на Сумбарѣ находится главная переправа *Дузъ-Олунъ*.

Первые два перехода были сдѣланы нашими войсками безпрепятственно, но на переправѣ Дузъ-Олунъ пришлось разрабатывать черезъ крутые и обрывистые берега Сумбара дорогу и устраивать черезъ эту рѣку гать, а потомъ и мостъ для перехода на правый берегъ. Дорога затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько отступя отъ берега до переправы Бекъ-Теке (въ 186 верстахъ отъ Дузъ-Олунъ), гдѣ снова выходитъ на рѣку, слѣдуетъ берегомъ до переправы Теръ-Саканъ (30 верстъ отъ переправы Дузъ-Олунъ), снова переходитъ на правый берегъ рѣки и оставляетъ теченіе р. Сумбара, направляясь къ разрушенному укрѣпленію Хаджимъ-Кала. На пространствѣ между переправами Дузъ-Олунъ и Бекъ-Теке отряду нашему пришлось переваливать черезъ первые значительные отроги Кюрендага. Спускъ съ Бекъ-Теке

былъ особенно тяжелъ и крутъ, такъ что верблюды и вьюки очень часто падали. Общая высота горъ, черезъ которыя пришлось переваливать, составляетъ 2,500 футовъ, причемъ черезъ двѣ наиболѣе значительныя горы пришлось разрабатывать дорогу, чтобы сдѣлать ее доступною для артилеріи. Точно также пришлось разработать и переправу у Теръ-Сакана.

Дальнѣйшее пространство отъ Теръ-Сакана до Текинскихъ предѣловъ, въ 44 версты, отрядъ прошелъ сначала равниной, перерѣзанной лишь небольшими оврагами; затѣмъ, переваливъ черезъ значительныя Ходжамъ-Калинскія горы, вступилъ въ равнину того же названія, отдѣленную отъ Текинскихъ предѣловъ еще главнымъ Кюрендагскимъ хребтомъ.

Предѣльнымъ пунктомъ движенія отряда были Текинскія крѣпостцы Ходжамъ-Кала, въ 40 верстахъ отъ Кызыль-Арвата.

120 верстъ отъ Чата до Ходжамъ-Кала, послѣ сдѣланныхъ исправленій представляютъ изъ себя довольно удобный путь, годный для движенія колеснаго обоза и обильный водою.

Во время движенія изъ Чата главной колонны нашихъ войскъ вверхъ по Сумбару, другая колонна, выступивъ изъ Чата, переправилась на лѣвый берегъ Сумбара и двинулась по направленію къ краю Гюля-дагъ, черезъ который и перевалила (пер. Най-Бадай-Гядыкъ) и направилась къ р. Чандыру (впадающему въ Сумбаръ) для исслѣдованія этой рѣки. Въ періодъ, когда была произведена экспедиція (половина августа) вода Чандыра разводится по полямъ и пашнямъ каракалинскими гокланами. Убѣдившись, что воды въ рѣкѣ нѣтъ, колонна вышла на главную дорогу у переправы Дузь-Олунъ и соединилась съ прочими войсками.

Нѣсколько ранѣ движенія вверхъ по Сумбару, изъ Чита произведено было движеніе небольшимъ отрядомъ вверхъ по Атреку. Движеніе это выяснило слѣдующее:

Первыя версты 30, дорога тянется вдоль праваго берега Атрека, въ двухъ—трехъ верстахъ отъ него; она удобна для прохода войскъ и артилеріи, за исключеніемъ одного оврага, находящагося въ восьми верстахъ отъ Чата, на разработку котораго потребно четыре часа времени при двухъ ротахъ рабочихъ. Въ урочищахъ Кызыль-Кая, въ 11 верстахъ отъ Чата и Ялынъ-Якъ—въ 22 верстахъ, лежащихъ на берегу Атрека, имѣются удобные спуски къ рѣкѣ. Туркменскія кочевья виднѣлись только по лѣвому берегу рѣки. Далѣе отъ Ялынъ-Якъ до урочища Сушюнъ 36 верстъ; дорога требуетъ исправленія двухъ спусковъ и самыхъ незначительныхъ работъ и проходима для всѣхъ трехъ

родовъ оружія. Дальнѣйшій путь отъ Сушюна еще на 50 верстѣ вверхъ по Атреку, до развалинъ гокланской крѣпости Курмухъ-Кала, становится болѣе затруднительнымъ. Этотъ участокъ пройденъ только кавалеріею, причемъ ей приходилось идти по оврагамъ и крутымъ горамъ. Отъ Курмухъ-Кала дорога для прохода тяжестей отряда требуетъ разработки. Всего отъ Чата пройдено вверхъ по Атреку 108 верстѣ.

5) *Путь отъ Бухары черезъ Мервъ въ Мешхедъ*, пройденный въ 1832 г. Борнсомъ.

Дорога изъ Бухары идетъ въ г. Чарджуй на переправу черезъ Аму-дарью. На мѣстѣ переправы, р. Аму дарья имѣетъ 225 сажень ширины и до 30 футовъ глубины. Переправа производится на паромехъ и лодкахъ. Берега рѣки отлоги и поросли камышомъ.

Городъ Чарджуй лежитъ въ девяти верстахъ отъ лѣваго берега. Число жителей въ немъ свыше 4,000 человекъ. Городъ производитъ торговлю съ туркменами, которымъ продаются зерновой хлѣбъ, ножи, сѣдла, сбруя, одежда, посуда, а у нихъ покупаются лошади, бараны, коны (войлокъ).

Караванъ, при которомъ слѣдовалъ Борнсъ, 22 августа 1832 г. (1), выступилъ съ переправы у Чарджуя по дорогѣ въ Мервъ и вступилъ въ голую пустыню, покрытую песчаными холмами, хотя и не въ такой степени лишенную растительности, какъ степи по сѣверному берегу Окса. Мѣстами встрѣчалась глинистая почва, служащая основаніемъ для песчаныхъ бархановъ. Въ котловинахъ и по вершинамъ холмовъ попадался кустарникъ, похожій на тамарискъ. Встрѣчалась трава, называемая селанъ, и два вида колючаго кустарника, употребляемые верблюдами въ пищу. Первая вода встрѣчается верстахъ въ 50 отъ переправы въ колодецъ Карубъ, имѣющемъ солоноватую воду. Колодець огороженъ древесными сучьями. На переходѣ до означеннаго колодца были встрѣчены семь плѣнныхъ персіанъ, которыхъ туркмены везли въ Бухару на продажу.

За Карубомъ караванъ покинулъ большую дорогу, ведущую въ Мервъ, и пошелъ степью на западъ, путемъ мало посѣщаемымъ, и 23-го августа достигъ колодца Балъци, пройдя около 37 верстѣ отъ Каруба. Этотъ колодець имѣетъ до четырехъ футовъ въ діаметръ и воду на глубинѣ болѣе четырехъ сажень.

(1) Описаніе Борнса, прошедшаго этотъ путь въ 1832 году. Венюковъ «Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи» выпускъ 2-й 1876 года.

На всемъ протяженіи перехода безводная пустыня покрыта мелкимъ кустарникомъ. Обитатели степи—крысы, ящерицы, нѣсколько жуковъ и кое-гдѣ одинокія птицы. Песчаные барханы достигали иногда высоты 60 футовъ; температура песка доходила до $52\frac{1}{2}$ °/ Р., а температура воздуха до $30\frac{1}{2}$ °/ Р., но жаръ умѣрялся вѣтромъ, безъ котораго лѣтомъ эта степь, по мнѣнію Борнса, вовсе непроходима (по показанію встрѣчныхъ туркменскихъ пастуховъ, зима въ этой степи отличается большими морозами, и снѣгъ выпадаетъ въ пять футовъ). Вдоль дороги встрѣчались кости верблюдовъ, павшихъ отъ утомленія и жажды.

На дальнѣйшемъ пути отъ колодца Балгое, до колодца Сирабъ, безводный переѣздъ въ 52 версты. Въ этомъ послѣднемъ вода была вонючая, но при вычерпываніи нѣсколько улучшалась.

Затѣмъ слѣдующій переѣздъ былъ къ колодцамъ Учъ-Куи ⁽¹⁾ съ горькою водою. На этомъ послѣднемъ переходѣ пустыня начала нѣсколько измѣнять свой характеръ, стала болѣе плоскою и менѣе песчаной; начали попадаться небольшіе островкочечные голыши.

Слѣдующій переходъ отъ колодцевъ Учъ-Куи привелъ къ одному изъ рукавовъ Мургаба, на которомъ встрѣтились развалины укрѣпленій и деревень, разбросанныя по пустынѣ группами. Эти развалины составляютъ памятники бывшей значительной осѣдлости въ Мервѣ, уничтоженной туркменами, которые сами водворились въ Мервѣ на мѣсто частью вырѣзанныхъ, частью обращенныхъ въ невольниковъ коренныхъ жителей страны. Отъ этихъ развалинъ надо сдѣлать еще одинъ переходъ, чтобы достигнуть настоящихъ жилищъ туркменъ на Мурхабѣ. Этотъ переходъ идетъ по совершенно ровной и твердой степи къ урочищу Ходжа-Абдалла, гдѣ былъ расположенъ обширный туркменскій станъ. За рѣкою, проходимою въ бродъ лишь мѣстами, стояли войска хивинскаго стана. Ходжа-Абдулла и его окрестности составляютъ часть Мервскаго оазиса. Развалины города Мерва лежатъ отъ этого урочища нѣсколько восточнѣе, въ разстояніи одного перехода.

Всего отъ Аму-дарьи у Чарджуя до мервскаго оазиса 225 верстъ, которые были пройдены въ шесть переходовъ. По мнѣнію Борнса, пройденная имъ пустыня составляетъ въ военномъ отношеніи важное препятствіе при движеніи къ Мерву. Воды очень мало и, кромѣ того, она дурнаго качества. Запасная вода изъ Аму-дарьи, которую везуть въ мѣхахъ, скоро портится. Подножнаго корма тоже мало. Караванъ

(1) Учъ-Куи на картѣ названо Уджеда.

въ 80 верблюдовъ совершенно опоражнивалъ всѣ колодцы на ночлегахъ. Кромѣ того, колодцы могутъ быть легко скрыты, засыпаны или даже отравлены. Легкая конница, по мнѣнію того же автора, можетъ, впрочемъ, переходить эти степи, двигаясь отдѣльными небольшими отрядами по нѣсколькимъ путямъ.

Всего къ Мерву ведетъ три пути ⁽¹⁾: главный Мервскій, и по одному на западъ и востокъ отъ него. Борнсомъ былъ пройденъ западный изъ нихъ.

Далѣе по пути отъ Мерва въ Мешхедъ, 110 верстъ отдѣляютъ рѣку Мурхабъ отъ рѣки Теджентъ. Переходъ этого пространства тоже не легокъ, хотя здѣсь уже начинается даже древесная растительность: саксаулъ, тамариксъ. Русло Тенджента на мѣстѣ переправы имѣетъ омуты ⁽²⁾. За Теджентомъ у г. Серакса дорога вступаетъ въ страну болѣе плодородную.

Первый переходъ въ 67 верстъ ведетъ къ пограничному персидскому посту, Маздорану, или Дербенту, причемъ вторая половина пути идетъ по глубокому ущелью, между горами. Въ Маздоранѣ вода хорошаго качества изъ ручья. Далѣе дорога черезъ селеніе Гускана приводитъ къ городу Мешхеду.

6) *Путь изъ Хивы черезъ Мервъ въ Гератъ, пройденный Шекспиромъ и Абботомъ.*

Общій видъ степи, описанный этими лицами, подтверждаетъ описаніе пути Борнса, имъ сдѣланнаго. Разстояніе отъ Хивы до Мерва вдвое больше, чѣмъ отъ Чарджуя до Мерва. На этомъ, свыше чѣмъ 400-верстномъ пути, Абботъ нашелъ всего шесть колодцевъ, а именно: начиная отъ Хивы—Дари, Шаэри, Немехабатъ, Шакшанъ, Шуркенъ, Акъ-Япъ.

Не смотря на трудность этого пути, онъ нѣсколько разъ былъ пройдемъ значительными силами. Такъ, Надиръ-Шахъ въ 1740 году, съ многочисленнымъ войскомъ, началъ свой знаменитый походъ противъ Хивы изъ Герата на Андхой, Балхъ, и затѣмъ вверхъ по Дарьѣ, въ Хиву; обратный путь изъ Хивы черезъ Мервъ на Мешхедъ.

Въ 1832 году хивинскій ханъ этимъ же путемъ достигъ Мерва

⁽¹⁾ Вамбери дорогу, пройденную Борнсомъ, называетъ *Рафатомъ*, среднюю Мервскую *Учъ-Ходжа* и восточную, которая начинается нѣсколько выше Чарджуя, *Иоль-Кую*.

⁽²⁾ Венюковъ («Опытъ обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи», выпускъ 2-й, стр. 26-я) указываетъ, что въ Теджентѣ, на высотѣ Серакса, русло бываетъ иногда *безводнымъ*.

и покорилъ его. На пути потерялъ, впрочемъ, до 2,000 верблюдовъ, павшими отъ тяжестей.

Продолженіе дороги отъ Мерва далѣе къ Герату пролегаетъ не по столь пустынной и безводной мѣстности; дорога большею частью держится недалеко отъ рѣки Мурхаба, по мѣстамъ, довольно густо населеннымъ туркменами.

2) *Путь отъ укрѣпленія Александровскаго, вдоль по берегу Каспійскаго моря, къ укрѣпленію Красноводску.*

Въ апрѣлѣ 1875 года, колонна изъ роты пѣхоты и сотни казаковъ, прикрывая отправлявшихся въ Красноводскъ казенныхъ верблюдовъ, сдѣлала путь отъ укрѣпленія Александровскаго до Красноводска, 608 верстъ, въ 22 дня.

Вода по пути получалась только изъ колодцевъ. Наибольшее безводное пространство, пройденное отрядомъ, составляетъ 86 верстъ. Во всѣхъ колодцахъ воды найдено много и, за исключеніемъ трехъ, хорошаго качества. Подножный кормъ, въ проходимое время года, вездѣ былъ въ достаточномъ количествѣ. На пути отъ укрѣпленія Александровскаго до залива Карабугаза, у тѣхъ колодцевъ, на которыхъ войска ночевали, были выставлены туркменскія кибитки и заготовлялось топливо для отряда; самихъ же жителей не было видно изъ боязни, ибо по этимъ мѣстамъ отрядъ нашъ проходилъ еще въ первый разъ.

Въ виду интереса, представляемаго этимъ движеніемъ, приведемъ нѣсколько подробностей.

20-го апрѣля 1875 года изъ форта Александровскаго направлено было къ заливу Киндерлинскому 484 казенныхъ верблюда, при 40 вожатыхъ и 30 киргизскихъ лошадей, купленныхъ для формировавшихся въ то время взводовъ полевой и горной артиллеріи закаспійскаго отдѣла. Въ прикрытіе верблюдамъ назначена сотня казаковъ. 29-го апрѣля колонна прибыла къ колодцамъ «Парсу-Бурунь» у Киндерлинскаго залива (195 верстъ отъ укрѣпленія Александровскаго).

28-го апрѣля рота пѣхоты, назначенная тоже для сопровожденія транспорта, была посажена у форта Александровскаго (бухта Тюкь-Караганъ) на военную шкуну «Хивинецъ», которая и перевезла ее до залива Киндерлинскаго, съ пяти часовъ утра къ вечеру того-же дня.

Вслѣдствіе сильнаго вѣтра, шкуна не могла подойти близко къ

берегу и высадку пришлось производить на большое разстояніе, при помощи шлюпокъ и нанятой у рыбопромышленниковъ косовой лодки. Къ вечеру, 30-го, высадка окончилась и 1-го мая, съ развѣтомъ, колонна двинулась въ путь, соединилась съ колонною, слѣдовавшею сухимъ путемъ при верблюдахъ, и, сдѣлавъ 28 верстъ, прибыла на ночлегъ къ колодцамъ Темиръ-баба. Здѣсь принято отъ туркменъ еще 86 верблюдовъ, находившихся у нихъ на сохраненіи.

Отъ колодцевъ Темиръ-баба приходилось пройти безводный переходъ въ 86 верстъ, для чего запасъ воды въ бурдюкахъ и боченкахъ былъ сдѣланъ на два дня; кромѣ того, освидѣтельствовано, чтобы каждый солдатъ наполнилъ водою имѣвшуюся при немъ бутылку. Безводное пространство пройдено было благополучно. Пало только два верблюда.

4-го мая отрядъ прибылъ на колодцы «Бекъ-Ташъ», гдѣ найдена обильная вода и хорошій подножный кормъ для верблюдовъ. На этихъ колодцахъ сдѣлана дневка.

6-го мая, переходъ въ 36 верстъ былъ пройденъ безъ утомленія, благодаря множеству зайцевъ, за которыми солдаты охотились съ увлеченіемъ. На ночлегъ на колодцахъ Обзи-Алма рѣдкій солдатъ не готовилъ супа изъ пойманныхъ зайцевъ.

7-го мая, въ полдень, отрядъ прибылъ къ Карабугазскому заливу. На берегу ожидали уже 12 рыбачьихъ лодокъ, собранныя для переправы отряда. Переправа черезъ проливъ, около 70 сажень шириною, была произведена слѣдующимъ способомъ: люди, продовольствіе, сѣдла переправлялись на лодкахъ; лошади и верблюды—вплавъ. Верблюдовъ переправляли вплавъ за лодками, и люди въ этихъ лодкахъ поддерживали имъ поводья. Каждая лодка брала четыре верблюда. Къ 2-мъ часамъ пополудни, 8-го мая, переправа была кончена и колонна, продвинувшись еще четыре съ половиной версты, остановилась на ночлегъ у колодцевъ «Оразъ».

9-го мая мангышлакскій отрядъ встрѣтилъ колонну въ 100 человекъ пѣхоты и полъ-сотни казаковъ, высланную изъ Красноводска къ нему на встрѣчу. 10-го мая отрядъ ночевалъ у колодцевъ Гасанъ-Кули, сдѣлавъ 35 верстъ; 11-го мая—на колодцахъ Кашемъ-Ирлы, сдѣлавъ 30 верстъ и, наконецъ, 12-го мая отрядъ прибылъ въ Красноводскъ, сдѣлавъ 20 верстъ.

Всего въ 22 дня марша сдѣлано было 608 верстъ.

II.

Населеніе.

Населеніе Туркменіи составляютъ, какъ мы уже выше сказали, до 1.000,000 туркменъ; къ нимъ примѣшивается на сѣверѣ, въ Мангышлакскомъ полуостровѣ, киргизы, затѣмъ незначительное число персовъ и афганцевъ-плѣнниковъ и, кромѣ того, за послѣднія 10 лѣтъ, по побережью Каспійскаго моря и по рѣкѣ Атреку явились русскія укрѣпленія.

Всѣ туркмены родственны между собою по языку, религіи (магометане сунитскаго толка), обычаямъ, вѣрованіямъ; какъ и киргизы, они дѣлятся на роды, роды дѣлятся на отдѣленія, а эти послѣднія на подроды ⁽²⁾.

Главные роды, на которые разбивается туркменское населеніе, суть: теке, эрсари, іомуды, чодоры, эль-эли, сарыки, солоры, гокланы и др.

По преданію, всѣ поименованные роды вышли изъ Мангышлака ⁽³⁾.

Каждый изъ этихъ родовъ занимаетъ довольно опредѣленный районъ, расширеніе или выходъ изъ котораго возможны только въ ущербъ сосѣднимъ родамъ. Тѣмъ не менѣе, за послѣднія 50 лѣтъ въ Туркменіи произведены значительныя перемѣщенія населенія цѣлыми родами, или, что чаще, нѣсколькими отдѣленіями.

Туркмены-теке разбиваются на двѣ части, изъ коихъ одна занимаетъ Текинскій оазисъ по подножію Кюренъ-дага, другая—Мервскій оазисъ; первыхъ обыкновенно называютъ ахаль-текинцами, вторыхъ—мервскими туркменами.

Эрсари занимаютъ лѣвый берегъ Аму-дарьи, между хивинскими и афганскими владѣніями. Одна половина іомудовъ размѣщена по юго-восточному побережью Каспійскаго моря, до границы съ Персією, и въ пространствѣ между рѣками Атрекомъ и Гюргеномъ.

(1) Вамбери принимаетъ подраздѣленіе туркменъ на халки (народъ, племя), которые дѣлятся на тайфе (орда), и эти послѣднія на тире (отрасль, кланъ).

(2) Ихъ праотцами считаютъ Зенъ-Хана и Эзенъ-Или; іомуды и теке произошли отъ перваго; чодоры и гокланы отъ послѣдняго. Мангышлакъ въ древности назывался Минъ-Кишакъ, что означаетъ тысяча деревень, или тысяча зимнихъ квартиръ.

На лѣтовки значительное число іомудовъ выходитъ на Узбой.

Вторая половина іомудовъ обитаетъ въ Хивинскомъ оазисѣ, близъ городовъ Куля-Ургенчи, по каналу Лаудану и къ озерамъ Сары-Камышъ.

Чодоры кочуютъ по Усть-Урту и частью въ Хивинскомъ оазисѣ, у городовъ Ильялы, Порсу, Ходжейли, Кипчакъ.

Гокланы живутъ по верховьямъ Атрека и Гургена. Часть гоклановъ (2,000 кибитокъ), жившихъ въ Хивинскомъ оазисѣ, въ 1873 году, за время хивинскаго похода, переселилась на рѣку Сумбаръ (притокъ Атрека).

Эль-эли кочуютъ къ сѣверу отъ афганскихъ предѣловъ и около Андохя (Афганистанъ). Свѣдѣнія объ нихъ наиболѣе скудны и разнообразны (¹). Извѣстно также, что небольшое число ихъ занимаетъ часть сѣверной границы персидскихъ провинцій Кучана и Дерезега.

Салоры занимаютъ юго-западный уголъ Туркменіи, близъ границъ Афганистана и Персіи, по Мурхабу и частью по Тедженту Сарыки, по низовьямъ Мурхаба.

Кромѣ того, въ Хивинскомъ же оазисѣ живетъ небольшое число туркменъ эрсари и гоклановъ.

Приведенное распредѣленіе туркменъ указываетъ, къ которымъ изъ владѣній, обружающихъ Туркменію, тяготеютъ различные роды туркменъ. Сила этого тяготѣнія различна для различныхъ родовъ. Для нѣкоторыхъ она выражается въ болѣе или менѣе сильной зависимости отъ Бухары, Хивы, Персіи и частью отъ Россіи. Другіе роды сохранили полную независимость, и для нихъ сосѣдство того или другаго владѣнія чаще всего опредѣляетъ только кратчайшій путь для набѣговъ и грабежей. Въ настоящее время эрсари находятся въ зависимости отъ Бухары и, сколько извѣстно, тяготеютъ этою зависимоścią. Туркмены, кочующіе въ районѣ Хивинскаго оазиса, находятся въ зависимости отъ хивинскаго хана. Добавимъ, что безъ нашей поддержки эта зависимость была бы очень ничтожна.

Персія претендуетъ также на зависимость отъ нея туркменъ іомудовъ и гоклановъ, но до сихъ поръ эта зависимость была чисто номинальною и, какъ выражаются туркмены: «ни одинъ персъ не можетъ войти въ земли туркменъ, иначе какъ на веревкѣ». Въ послѣднее время эта зависимость начинаетъ становиться болѣе дѣйствитель-

(¹) Число туркменъ Эль-Эли, по Муравьеву 80,000 кибитокъ, по Скрыбину и Рябинину 70,000. По Вамбери всего 3,000 кибитокъ.

ною, благодаря близости русских укрѣпленій, и въ особенности благодаря занятію нами рѣки Атрека. Значительная часть іомудовъ (чорва) проводитъ меньшую часть года на территоріи персидской, между Атрекомъ и Карасу; большую же часть года въ территоріи къ сѣверу отъ Атрека по Узбою, т. е. въ мѣстностяхъ, занятыхъ нами. Отсюда происходитъ неопредѣленность положенія іомудовъ, которые являются «двухданниками».

Небольшое число іомудовъ, постоянно живущихъ на занятой нами территоріи, вполне подчинены намъ и обложены податью.

Наконецъ, самый сильный туркменскій родъ, какъ по численности, такъ и по храбрости—*текинцы* не признають ничьей власти. Солоры и сарыки также независимы.

Независимые туркмены не имѣютъ собственнаго организованнаго правительства. Личности, наиболѣе вліятельныя по богатству, храбрости, считаются аксакалами и иногда принимаютъ даже титулъ хановъ. Но вліяніе аксакаловъ ничтожно; ихъ терпятъ, пока они воздерживаются отъ дѣйствій и распоряженій, почему либо непріятныхъ для туркменъ, и пока они потакають ихъ привычкамъ къ набѣгамъ и грабежу.

Для туркменъ неизмѣримо сильнѣе власти ихъ хановъ и аксакаловъ власть *обычая* (деба) и затѣмъ, но уже въ очень слабѣйшей степени, власть религіи. Къ туркменамъ, признающимъ чье-либо подданство, надо также относиться съ большою осторожностью. Бухара, Хива, Персія и Афганистанъ всегда платили дорогою цѣною тотчасъ же, какъ только переставали быть на стражѣ даже противъ родовъ, изъявлявшихъ покорность, платившихъ подать и даже высланныхъ заложниковъ. Долгое время Хива составляла центръ, къ которому замѣчалось тяготѣніе туркменъ. Даже текинцы признавали своимъ главою хана хивинскаго. Эта зависимость, впрочемъ, не помѣшала туркменамъ нѣсколько разъ брать Хиву и грабить ее. Съ паденіемъ Хивы, значеніе центра Туркменіи перешло къ Мерву.

Набѣгъ и грабежъ составляютъ любимѣйшее и наиболѣе почетное занятіе среди туркменъ. Слѣдовать этой склонности, съ точки зрѣнія туркменъ, весьма выгодно. Удачный набѣгъ даетъ туркмену добычу, плѣнныхъ, возможность нѣкоторое время ничего не дѣлать и, что не менѣе важно, славу и почетъ сородичей.

Кромѣ личныхъ симпатій къ грабежу, туркмены въ каждомъ убійствѣ и грабежѣ найдутъ себѣ законное оправданіе. Такъ, при ограбленіи и убійствѣ европейца — въ томъ, что онъ гяуръ; перса — въ

томъ, что шить; хивинца, бухарца и афганца — въ томъ, что у нихъ съ туркменами есть давніе кровавые счеты, и каждое убійство можетъ быть представлено какъ отплата кровью за пролитую кровь.

Находясь въ постоянной враждѣ съ пограничнымъ населеніемъ владѣній, граничащихъ съ Турмениию, дикіе обитатели ея, кромѣ того, ведутъ кровавую распрю между собою, и ненависть въ различныхъ туркменскихъ родахъ одного къ другому врядъ ли уступаетъ ненависти ихъ къ прочимъ народностямъ. Въ распряхъ различныхъ родовъ между собою значительную роль играетъ родовая месть. Туркмены-іомуды непримиримые враги съ текинцами и гокланами. Эти послѣдніе враждуютъ съ іомудами и текинцами. Туркмены Ахаль-текинскаго оазиса, въ свою очередь, заставляютъ быть на постоянной стражѣ не только курдовъ и персовъ, но также іомудовъ и гоклановъ.

Мервскіе туркмены въ войнѣ не только съ Хивою, Бухарою, Афганскимъ Туркестаномъ, Персією, но и съ большею частью туркменскихъ родовъ. Въ особенности сильно пострадали отъ нихъ солоры.

Туркменъ по образу жизни можно подраздѣлить на кочевыхъ и полусѣдлыхъ. Первые занимаются скотоводствомъ и называются *чорва*; вторые — земледѣіемъ и называются *чомуръ*. Туркменъ, по симпатіямъ своимъ — кочевникъ, и приведенное выше подраздѣленіе есть до извѣстной степени условное.

Занимающіеся земледѣіемъ составляютъ бѣднѣйшую часть населенія и наименѣе вліятельную; надежда вернуться снова къ кочевой жизни не покидаетъ ихъ, и стоитъ земледѣльцу-туркмену раздобыться скотомъ, онъ обратится снова въ кочевника, какъ и наоборотъ — потерявшій стадо кочевникъ вынужденъ будетъ сдѣлаться осѣдлымъ. Пастухъ, живущій со стадъ своихъ, въ глазахъ туркменъ почетнѣе пахаря, живущаго произведеніями обрабатываемой имъ земли. Для туркменъ, такъ же какъ и для киргизовъ и арабовъ, переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой не есть прогрессъ въ принятомъ смыслѣ, т. е. не есть переходъ отъ низшей степени общежитія къ высшей, ибо этотъ переходъ вызывается обѣдненіемъ населенія или мѣстными географическими причинами (напримѣръ, отсутствіемъ кочевій), а не сознательнымъ предпочтеніемъ жизни земледѣльца передъ жизніюномада.

Туркмены, киргизы, арабы обладаютъ прекраснымъ здравымъ смысломъ, и имъ, съ ихъ точки зрѣнія, не трудно путемъ сравненія оправдать свое предпочтеніе кочевой жизни. Земледѣлецъ привязанъ своими пашнями и домомъ къ мѣсту, долженъ много работать и почти не въ состояніи бѣжать отъ опасности лично и спасти свое имущество. Ко-

чевникъ свободенъ какъ птица; районъ кочевій его рода часто захватываетъ сотни верстъ, куда входятъ и равнины, и горы. Въмѣсто дома, привязывающаго его къ мѣсту, у него юрта или палатка, которыя можно разбить въ полчаса времени и перевезти на другое мѣсто на одномъ верблюдѣ. Работы у кочевника относительно земледѣльца весьма мало; у этого послѣдняго главная доля труда лежитъ на немъ лично, въ то время, какъ у кочевника самый тяжелый трудъ достается на долю женщинъ. При наступленіи опасности, кочевникъ въ часъ времени можетъ покинуть занимаемое имъ мѣсто со всѣми своими стадами и домашнимъ скарбомъ. Добавимъ ко всему сказанному, что кочевая жизнь наиболѣе покровительствуетъ производству безнаказанныхъ набѣговъ и грабежей.

Недостаточность кочевій, привязывающихъ туркменъ иногда къ очень ограниченному району, какъ, напримѣръ, въ Ахаль-текинскомъ оазисѣ и Мервѣ, не позволяетъ всей массѣ населенія жить скотоводствомъ, требующимъ обширныхъ угодій, и заставляетъ часть населенія обратиться къ земледѣлію. Кромѣ того, вслѣдствіе вражды съ окружающими народностями, туркмены не могутъ съ достаточною легкостью и выгодно обмѣнивать произведенія своихъ стадъ на земледѣльческіе продукты и должны сами заботиться о добываніи послѣднихъ. Вынужденный обрабатывать опредѣленный участокъ, туркмень старается на сколько возможно менѣе быть къ нему привязаннымъ. Онъ огораживаетъ свои пашни, проводитъ сложную систему оросительныхъ каналовъ, разводитъ садъ, устраиваетъ даже крѣпостную ограду, но не строитъ дома, а продолжаетъ жить въ юртѣ, разбивая ее на огороженномъ дворѣ. Снявъ жатву, обмолотивъ хлѣбъ и припрятавъ его въ глубокія, ему одному извѣстныя, ямы (погребѣ), туркмень на нѣкоторое время чувствуетъ себя снова свободнымъ, ибо можетъ удалиться отъ своего участка, поля, пока суровая степная зима не загонитъ его снова въ загороженный дворъ, защищающій его со стадами отъ вѣтра и мятели.

Числительность туркменскаго населенія опредѣляется до сихъ поръ весьма гадательно, по разспроснымъ свѣдѣніямъ.

Наибольшаго вниманія заслуживаетъ сравнительная таблица туркменскаго населенія, приведенная г. Венюковымъ ⁽¹⁾ и составленная на основаніи свѣдѣній Муравьева, Борнса, Бларамберга, Скрыбина, Рябинина, Вамбери и Галикина.

Средніе выводы изъ показаній всѣхъ этихъ изслѣдователей дали слѣдующія цифры числительности различныхъ туркменскихъ родовъ:

(1) Опытъ обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи 1873 г. стр. 467.

	Кибитокъ.
✓ Юмуды	48,000
✓ Гокланы	28,000
Текинцы	60,000
Сарыки	10,000
Солоры	6,000
✓ Сакары (у Вамбери—Кари-туркмены).	2,100
✓ Эрсари	66,000
Эль-эли (¹) (вмѣстѣ съ Уи, Аймакъ и Кари-дашли)	58,250
✓ Чодоры	12,200
✓ Эмжели	3,000
Абдаръ, Игдырь, Бузачи	10,000
Арбатчи	2,000
Нѣсколько другихъ мелкихъ	670
Всего	308,570

Бесплодіе туркменскихъ степей заставляетъ предполагать этотъ итогъ, дающій около 1.500,000 душъ (по пяти душъ въ кибиткѣ) преувеличеннымъ. Г. Венюковъ останавливается на цифрѣ Вамбери, опредѣляющей населеніе Туркменіи въ 196,500 кибитокъ или въ 982,000 душъ и признаетъ ее болѣе близкою къ истинѣ, чѣмъ полученные имъ средніе выводы.

Въ настоящемъ очеркѣ мы болѣе подробно коснемся только двухъ туркменскихъ родовъ: *юмудовъ* и *текинцевъ*.

Юмуды по вышеприведенной цифрѣ составляютъ населеніе свыше 200,000 душъ, но позднѣйшія свѣдѣнія даютъ поводъ предполагать, что эта цифра нѣсколько преувеличена. Они раздѣляются на двѣ группы: *Байрамъ-Шали* и *Кара-Чуха*; каждая изъ нихъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ генерала Ломакина, составляетъ около 15,000 кибитокъ. Первая живетъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, причѣмъ заливъ Айбугиръ, озеро Сары-Камышъ, восточные склоны Устьюрта и колодець Игды служатъ крайними границами распространенія кочевокъ ея.

Вторая, т. е. *Кара-Чуха*, живетъ въ прикаспійскихъ мѣстностяхъ, преимущественно между Атрекомъ, Гюргеномъ и по Узбою.

Байрамъ-Шали раздѣляется на четыре отдѣленія; *Кара-Чуха* на два: *Акъ-атабаевцевъ* (Чони) и *Джафарбаевцевъ* (Шарафъ). Акъ-атабаевцы дѣлятся на нѣсколько подродовъ (Агъ, Атабай, Давъ, Эймиръ, Бадрагъ, Игдырь, Кадчакъ и Кани-Егмазъ). Джафарбаевцы

(¹) По Вамбери 3,000 киб. «Пут. по сред. Азіи», стр. 207, 1867 г.

дѣлятся на двѣ вѣтви: Шарафъ-Нурали и Шарафъ-Ярали. Къ первымъ принадлежатъ подро́ды Кельте, Каранджикъ, Кызили-Каръ, Каюнли-Керъ и др.; ко второму, между прочимъ, принадлежатъ подро́ды Кызылъ, При-Тумаджъ, Чукканъ и Арыкъ-Сагкали. Джафарбаевцы нѣсколько многочисленнѣе атабаевцевъ, но послѣдніе болѣе сплочены, управляются однимъ ханомъ и считаются значительно сильнѣе джафарбаевцевъ, управляемыхъ нѣсколькими ханами и отчасти вслѣдствіе этого ослабляемыхъ внутренними раздорами и неурядицами.

По образу жизни, іомуды дѣлятся на *кочевыхъ*, называемыхъ *чорва*, и *полусѣдлыхъ*, называемыхъ *чомуръ*.

Принадлежность турменъ къ *чорва* или *чомуръ* не неизмѣнна для каждаго изъ нихъ и опредѣляется количествомъ имѣющагося у нихъ скота. У кого много скота, тотъ остается *чорва*, а у кого скота нѣтъ, тотъ обращается въ *чомуръ*. Въ одномъ и томъ же аулѣ часть турменъ *чорва*, часть *чомуръ*. Почти каждая кибитка осѣдлыхъ турменъ имѣетъ родственную ей кибитку кочевниковъ. Часто, напримѣръ, отецъ осѣдлый, а сыновья его кочевники, и наоборотъ: нѣсколько братьевъ осѣдлыхъ и нѣсколько кочевниковъ. Переходы изъ осѣдлыхъ въ кочевые и обратно весьма часты. Обѣдненіе, ссора съ сосѣдями, женитьба на женщинѣ, у которой родственники кочевники, обращаетъ осѣдлаго въ кочевника; смерть осѣдлыхъ родственниковъ, потеря верблюдовъ, женитьба на осѣдлой, дѣлаютъ часто кочевника осѣдлымъ. Тѣ и другіе живутъ въ кибиткахъ. Туркмены-чорва болѣе многочисленны, чѣмъ чомуръ. Туркмены-чомуръ, не имѣя возможности вести кочевую жизнь, тѣмъ не менѣе мѣняють мѣсто расположенія своихъ кибитокъ въ районѣ нѣсколькихъ верстъ, ближайшихъ къ ихъ пашнямъ.

✓ Самые богатые и обильные посѣвы и пашни чомуровъ, какъ джафарбаевцевъ, такъ и атабаевцевъ, находятся въ полосѣ, лежащей вдоль праваго берега Гургена, верстахъ въ 8—10 къ сѣверу отъ него (¹). Точно также пашни турменъ тянутся и вдоль праваго берега Атрека, верстъ на 10—15 къ югу отъ него. По правому берегу Атрека туркмены-іомуды пашенъ въ послѣдніе годы не имѣють изъ опасенія текинцевъ.

Пашни іомудовъ, расположенныя по Гургену (какъ и пашни гоклановъ), по свѣдѣніямъ генерала Ломакина, не имѣють оросительныхъ каналовъ. Благодаря близости горъ, покрытыхъ обширными астрабадскими и гокланскими лѣсами, которые задерживаютъ испаренія изъ

(¹) Въ верхнемъ теченіи Гургена лежатъ пашни гоклановъ, въ мѣстности, богатой крупнымъ лѣсомъ.

Каспійскаго моря, на этой мѣстности (по Гургену) выпадаютъ довольно частые дожди. Эти дожди способствуютъ урожаю, которые доходятъ до самъ-тридцать и покрываютъ не только нужды мѣстнаго населенія, но еще даютъ небольшой остатокъ, въ особенности ячменя, для вывоза въ Астрабадъ, Баку и даже въ Красноводскъ ⁽¹⁾.

Іомуды-кочевники, чорва проводятъ большую часть зимы между Атрекомъ и Гургеномъ, располагая свои аулы близъ родственниковъ имъ ауловъ *чомуръ*. Съ началомъ февраля чорва переходитъ Атрекъ. При этомъ чорва джафарбаевцевъ кочуетъ съвертѣе Атрека у Чикишляра, Бѣлаго и Зеленаго бугровъ, у озеръ Бугдайлы и Шаиры, въ окрестностяхъ развалинъ города Местоврана (Мясть-Дебрана) заходитъ къ горамъ Балханскимъ, кочуетъ по Узбою, по которому и доходитъ до колодцевъ Игды, откуда уже начинается районъ хивинскихъ іомудовъ. Грабежи текинцевъ заставили джафарбаевцевъ отказаться въ послѣдніе годы кочевать близъ Балханскихъ горъ и по Узбою.

Чорва атабаевцевъ кочуетъ по правому берегу Атрека, образуя почти непрерывные аулы отъ Чата до Баятъ-Аджи. До разлада съ текинцами, атабаевцы кочевали и по рѣкѣ Сумбару до впаденія въ нее рѣки Чандыра ⁽²⁾. Въ настоящее время ихъ кочевья такъ далеко не заходятъ, и рѣка Сумбаръ остается пустынною. Къ іюню мѣсяцу Чорва подтягивается къ Атреку, переходитъ черезъ него и іюнь мѣсяцъ собираетъ жатву вмѣстѣ съ чомуромъ. По уборкѣ хлѣба, уже въ концѣ іюня или въ началѣ іюля мѣсяца, чорва снова тянется на свои кочевья, на которыхъ и остается до поздней осени.

Въ первыхъ числахъ іюля 1875 года отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ломакина, направляясь изъ Красноводска къ устьямъ Атрека, проходилъ черезъ центры кочевій іомудовъ. Около озеръ Шаирды и Бугдайлы отрядъ встрѣтилъ сгруппированными въ обширные аулы около 3,000 кибитокъ туркменъ-іомудовъ съ многочисленными стадами верблюдовъ и барановъ. Іомуды встрѣтили отрядъ нашъ съ полнымъ довѣріемъ и пріязнью. Войскамъ разбивались юрты,

(1) Постоянные аулы чомуровъ находятся: *На берегу моря*: въ уроч. Ходжи, Нефесъ и Гюмишъ-Тепе (у Серебрянаго бугра) живутъ джафарбаевцы и атабаевцы. *У устья Атрека* аулъ Гассанъ-Кули—джафарбаевцевъ. *По лѣвому берегу Атрека*, на уроч. Аджабъ-куи,—Ханъ-беги и далѣе до Кара-Дегіша идутъ аулы джафарбаевцевъ. Отъ Кара-Дегіша до Чотылы-Улама идутъ аулы атабаевскіе. Пашни всѣхъ этихъ ауловъ орошаются водою изъ Атрека. По Гургену, веретъ на 10—15 въ обѣ стороны рѣки, идутъ аулы чомуровъ: отъ моря до уроч. Акакъ-Кала—джафарбаевскіе, а отъ Акъ-Калы, вверхъ по рѣкѣ до Омаръ-Улама—атабаевскіе.

(2) По Чандыру въ настоящее время кочуютъ гокланы, переселившіеся во время хивинскаго похода изъ хивинскихъ предѣловъ.

и на мѣстѣ русскаго лагеря тотчасъ же открывался базаръ, на которомъ продавались арбузы, дыни, молоко, айранъ, куры, утки, бараны, ковры, паласы и войлоки. Не только туркмены, но даже ихъ жены и дѣти посѣщали русскій лагерь.

Къ первымъ числамъ октября, чорва прикочевываетъ вторично къ мѣстамъ своихъ пашень и немедленно приступаетъ къ запашкамъ и посѣвамъ на слѣдующій годъ. Туркмены, чорва, какъ и чомуръ, пашутъ небольшимъ плугомъ, запряженнымъ въ одну, рѣдко въ двѣ, пары быковъ. Этими работами чорва обыкновенно занята октябрь и ноябрь мѣсяцы. Затѣмъ часть ея возвращается на мѣсто кочевій къ сѣверу отъ Атрека, на коихъ послѣ осеннихъ дождей появляется новый обильный кормъ, часть же остается на зимовки между Атрекомъ и Гургеномъ.

Такимъ образомъ, принимая Атрекъ за границу между нашими и и персидскими владѣніями, оказывается, что іомуды-чорва, въ числѣ, опредѣляемомъ одними въ 8,000 кибитокъ, а другими до 15,000, проводятъ отъ семи до девяти мѣсяцевъ на русской территоріи и только отъ трехъ до пяти на персидской.

Враждебное положеніе текинцевъ, какъ мы уже замѣтили выше, сильно уменьшило раіонъ кочевій іомудовъ, заставило ихъ избѣгать перехода на сѣверную сторону Атрека, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличило срокъ пребыванія чорвы на персидской территоріи.

Переходя Атрекъ, туркмены должны находиться на постоянной стражѣ противъ текинцевъ и прикрываться сѣтью наблюдательныхъ постовъ, выставленныхъ къ сторонѣ ахаль-текинскаго оазиса. Кромѣ того, для прикрытія главныхъ центровъ кочевій, іомуды, какъ джафарбаевцы, такъ и атабаевцы, содержатъ большей или меньшей силы конный отрядъ, готовый скакать по первому извѣстію изъ передовыхъ постовъ о появленіи текинцевъ (').

Не смотря, однако, на всѣ принимаемыя іомудами мѣры, они ежегодно подвергаются нападеніямъ со стороны текинцевъ, въ которыхъ несутъ потери плѣнными и отъ угона скота. Смѣлость текинцевъ въ послѣднее время дошла до такой степени, что въ декабрѣ прошлаго года текинцы произвели нападеніе на аулы іомудовъ чикишлярскій и гассанъ-кулинскій, расположенные на берегу Каспійскаго моря, а въ апрѣлѣ настоящаго года разграбили аулы туркменъ даже подъ укрѣпленіемъ Красноводскомъ, близъ колодцевъ Акчуи.

(') Въ 1875 г. у Шаирданскихъ озеръ, съ цѣлю лучшаго противодѣйствія текинцамъ былъ расположенъ большой соединенный аулъ атабаевцевъ. Аулъ этотъ и сосѣдніе выставили силу въ 500 всадниковъ.

Туркмены-теке. Нѣкогда густо населенныя богатые и плодородныя мѣстности афганскаго Туркестана (Шибеханъ, Маймене) и сѣвернаго Хоросана (Серахсъ, Мешхедъ) обращены, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, войнъ и набѣговъ туркменъ, въ почти незаселенныя пустыни, покрытыя развалинами городовъ и деревень, но и въ настоящее время немногочисленные жители уцѣлѣвшихъ деревень находятся въ постоянной опасности отъ туркменъ, преимущественно текинцевъ, потерять остатки ихъ скуднаго имущества и самую жизнь. Пахарь выходитъ на работу съ ружьемъ. Каждый отдѣльный домъ представляетъ изъ себя блокгаузъ, двери котораго заваливаются камнями. Постройки персидской деревни сбиты одинъ къ другому и окружены общою оградой съ двухъ-ярусною ружейною обороною. Внутри ограды въ страшной тѣсотѣ помѣщаются люди и скоть.

Не смотря на мѣры, принимаемыя персидскимъ населеніемъ, туркмены издавна хозяйничали въ Хоросанѣ, большею частию безнаказанно. Небольшія шайки ихъ наводили ужасъ на жителей и они почти безъ сопротивленія отдавались въ руки туркменъ. Тысячи мужчинъ и женщинъ угонялись вмѣстѣ съ отбитымъ скотомъ въ неволю и продавались на рынкахъ Хивы и Бухары. Малая способность персидскаго населенія противиться набѣгамъ туркменъ заставила персидское правительство изыскивать другія средства, чтобы оградить Хоросанъ отъ конечнаго разоренія.

Около 150 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Аббаса-Мирзы, въ сѣверную, наиболѣе гористую, часть Хоросана были переселены 15,000 семей, около 75,000 душъ курдовъ. Въ настоящее время курды составляютъ преобладающее населеніе въ провинціяхъ Дереза, Буджура и Кучана, числительностію около 200,000 душъ. Провинціи эти, благодаря производительной почвѣ, служатъ теперь житницею не только всего Хоросана, но отчасти и Персіи.

Не менѣе воинственные, чѣмъ туркмены, курды, на каждое ихъ нападеніе, отвѣчали набѣгами съ своей стороны, и въ настоящее время часть хоросанской границы, прикрытая курдскими поселеніями, можетъ считаться хорошо защищенной отъ туркменъ.

Поселенія курдскія въ Дерезѣ и поселенія въ Келатѣ близко сходятся съ туркменскими, но гористая мѣстность, доступная лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, составляетъ естественную защиту тѣхъ и другихъ другъ отъ друга. Небрежное охраненіе того и другаго изъ многихъ путей, ведущихъ изъ ахаль-текинскаго оазиса къ курдскимъ поселеніямъ, тотчасъ же наказывается вторженіемъ текинцевъ и на оборотъ.

Въ послѣдніе годы туркменамъ нанесено нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, положившихъ до извѣстной степени предѣлъ ихъ хищничеству. Главнымъ ударомъ было взятіе Хивы, произведшее огромное впечатлѣніе на всю Туркменію, и съ паденіемъ которой туркмены утратили главный рынокъ для сбыта своихъ плѣнниковъ.

Правительства Афганистана и Персіи организовали въ пограничныхъ и внутреннихъ мѣстностяхъ военную охрану, которая если и не всегда достигала цѣли, то все же во многихъ случаяхъ заставляла туркменскія шайки вернуться обратно не только безъ добычи, но даже съ потерями.

Власть Бухары, Хивы и Персіи надъ нѣкоторыми туркменскими родами, какъ, напримѣръ, эрсари, чадары, іомуды, гокланы, стала по-немногу крѣпнуть и изъ номинальной обращаться въ фактическую. Даже сохранившіе еще независимость туркмены-теке, какъ ахаль-текинскіе, такъ и мервскіе, начали сознавать, что ихъ самостоятельности угрожаетъ опасность. Наболѣе мирные изъ нихъ, рѣшивъ, что добровольное подчиненіе выгоднѣе вынужденнаго, начали дѣлать предложенія о принятіи ихъ въ подданство то русскимъ мѣстнымъ властямъ, то хивинскому хану, то персидскимъ властямъ. Къ несчастію для нихъ, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, депутаціи туркменъ съ мирными предложеніями не могли гарантировать настроенія большинства текинскаго населенія, и часто въ то время, когда представители обѣщали миръ и спокойствіе и даже возвращали плѣнныхъ, ихъ со-родичи грабили легковѣрныхъ, не принявшихъ обычныхъ противъ нихъ мѣръ предосторожности.

Туркмены-теке разбиваются на двѣ группы: *мервскихъ* и обитающихъ въ ахаль-текинскомъ оазисѣ. Свѣдѣнія о численности тѣхъ и другихъ весьма различны. По послѣднимъ свѣдѣніямъ (разспроснымъ) въ мервскомъ оазисѣ считается 48,000 кибитокъ и въ ахаль-текинскомъ до 40,000. Эта послѣдняя цифра въ особенности кажется преувеличенною. Еще сто лѣтъ тому назадъ мервскій оазисъ составлялъ цвѣтущую персидскую провинцію. Бухарскій эмиръ Маасумъ въ 1784 году (въ самый годъ восшествія его на престолъ) двинулся противъ Мерва, заграждавшаго ему путь въ Хоросанъ, и послѣ трехъ лѣтъ упорной борьбы взялъ городъ этого имени, опустошивъ всѣ окрестности его, и переселилъ жителей въ Бухару. Въ 1794 году мервскій оазисъ занялъ туркменскій родъ сарыкъ, а въ 1834 году родъ этотъ былъ вытѣсненъ туркменами-теке, явившимися изъ ахаль-текинскаго оазиса.

Составляя центръ туркменской степи, Мервъ отрѣзанъ сотнями

версть пустыни отъ владѣній хивинскихъ, бухарскихъ, афганскихъ и персидскихъ. Эти пустыни, защищая Мервъ со стороны поименованныхъ владѣній, въ то же время не препятствуютъ мервскимъ туркменамъ на ихъ неутомимыхъ коняхъ производить набѣги, изумительные по быстротѣ, съ которою шайки ихъ проходятъ огромное разстояніе, неожиданно появляются и такъ же быстро и въ разбродъ исчезаютъ, если встрѣтятъ сопротивленіе.

Мервъ представляетъ изъ себя обширный оазисъ, орошаемый рѣкою Мурхабомъ, разводимою по многочисленнымъ каналамъ при помощи плотинъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, свыше 200,000 человекъ обитаетъ въ Мервѣ. Въ оазисѣ разведены обширные сады. Пашни даютъ прекрасные урожаи, но населеніе живетъ въ кибиткахъ и ведетъ полусѣдлую жизнь. Можно предполагать, что мервскій оазисъ, не смотря на все его плодородіе, становится недостаточнымъ для прокормленія всего его населенія, и въ послѣднее время мервскіе туркмены начинаютъ распространяться по Мурхабу и Тедженту и даже арендуютъ нѣсколько участковъ земли на сѣверъ отъ Келата у персидскаго правительства. Текинцы за пользованіе этою землею уплачиваютъ правителю Келата съ каждаго собраннаго ими семи батмановъ зерна по одному. 10—15 семей мервскихъ туркменъ живетъ на арендуемыхъ ими мѣстахъ постоянно, остальные приходятъ на нихъ только на время полевыхъ работъ, а затѣмъ откочевываютъ обратно въ Мервъ, являясь изъ Мерва для обработки ихъ и затѣмъ для сбора жатвы. Мервскіе туркмены-теке дѣлятся на четыре отдѣленія: бахши, сышла, бекъ и вакшъ. Въ главѣ каждаго отдѣленія стоятъ ханы, имѣющіе весьма незначительное вліяніе. Между отдѣленіями идетъ борьба, часто сопровождаемая грабежами и разбоями. Въ очень недавнее еще время Бухара и Хива вели довольно значительную торговлю съ Мервомъ, но въ настоящее время торговля эта, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ Мервѣ, прекратилась. Бухара поддерживала торговые отношенія нѣсколько долѣе Хивы, обезпечивая цѣлость своихъ каравановъ почетными заложниками изъ мервскихъ туркменъ, которыхъ содержали въ Бухарѣ.

Туркмены ахалъ-текинцы, какъ мы уже сказали, обитаютъ узкую полосу земли по подошвѣ Кюрендагскихъ горъ, длиною въ 250 и шириною до 20 верстъ. Ахалъ-текинцы дѣлятся на два поколѣнія: *таштамышцевъ* и *утемышцевъ*. Первыхъ, которые относительно болѣе мирные, считается втрое болѣе вторыхъ.

Поселенія (¹), или курганы, туркменъ тянутся длинною цѣпью

(¹) Сами туркмены называютъ свои поселенія «крѣпостями».

вдоль по оазису большею частью въ одну линію и только въ восточной части его въ двѣ линіи. Каждое поселеніе окружено болѣе или менѣе сильною глиняною стѣною, приспособленною къ оборонѣ ружейнымъ огнемъ, и составляетъ укрѣпленіе. Главнѣйшія изъ нихъ, начиная съ запада, будутъ: Кызыль-Арватъ (въ 1871 году разрушенъ русскими войсками), Качъ-ата, Бами-Беурма, Арчаманъ, Кара, Ганъ, Карызъ, Янчи-Кала, Изганъ, Гокъ-Тепе, Аскябятъ, Гяуръ. Близъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ, какъ напримѣръ, Беурма, Карыза, Аскябата и Гяура, сгруппировано отъ 1,000 до 2,000 кибитокъ близъ каждаго. Около Гокъ-Тепе и ближайшихъ къ нему окрестностей расположено, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, до 15,000 кибитокъ.

Ахаль-текинцы, какъ и мервскіе туркмены, ведутъ полусѣдную жизнь; они имѣютъ пашни, сады, но живутъ въ кибиткахъ. Всѣ туркмены ахаль-текинскаго оазиса дѣлятся на нѣсколько, враждебныхъ одна другой, партій, имѣющихъ во главѣ хановъ или старшинъ. Въ послѣдніе годы раздоры между ними дошли до кровавыхъ стычекъ и помогли курдамъ одержать надъ ними нѣсколько успѣховъ.

Приближеніе къ предѣламъ ахаль-текинцевъ другого, несравненно болѣе страшнаго для нихъ, врага—русскихъ, вызвало въ значительной части туркменъ стремленіе прекратить взаимныя распри, помириться съ іомудами, установить добрыя отношенія къ курдамъ и персамъ и, ради страха русскихъ, просить ихъ покровительства и даже—принять русское подданство. Въ особенности ближайшія къ занятымъ нами пунктамъ каспійскаго побережья поселенія туркменъ-теке чувствовали страхъ къ русскимъ. Они уже видѣли русскія войска, которыя еще въ 1871 году разрушили одно изъ сильнѣйшихъ текинскихъ укрѣпленій Кызыль-Арватъ въ наказаніе за нападеніе туркменъ-теке на Михайловскій постъ. Въ слѣдующемъ году новый отрядъ русскихъ войскъ доходилъ до Беурма. Хивинскій погромъ окончательно доказалъ туркменскому населенію невозможность борьбы съ русскими и способствовалъ образованію даже среди ахаль-текинцевъ значительной партіи, желавшей отдаться подъ покровительство Россіи.

Въ виду интереса, представляемаго сношеніями нашими за послѣднія пять лѣтъ съ текинцами, мы коснемся ихъ нѣсколько подробнѣе, причемъ увидимъ, что болѣе миролюбивыя партіи туркменъ дѣлали намъ нѣсколько разъ мирныя предложенія и просили покровительства Россіи, но партія войны каждый разъ, вслѣдъ за мирными предложеніями, или, еще чаще, во время самыхъ переговоровъ, производила набѣгъ, убійства и грабежи. Кромѣ того, изъ приводимаго ниже описанія можно видѣть, какъ трудно полагаться на какія либо предло-

женія депутатовъ отъ туркменъ. Эти предложенія дѣлались, смотря по обстоятельствамъ, то Россіи, то Хивѣ, то Персіи, каждый разъ или съ цѣлю отклонить заслуженное возмездіе, выиграть время, или возвратить своихъ плѣнныхъ.

Вообще можно полагать, что мирная часть туркменъ готова принять покровительство того или другаго государства, особенно если оно сопровождалось бы уплатою имъ денежныхъ субсидій въ той или другой формѣ; но можно смѣло думать, что даже самая мирная часть туркменъ теке не согласится добровольно безъ борьбы принять чье либо подданство.

Взглядъ на отношенія ахаль-текинцевъ за послѣднія пять лѣтъ къ ихъ сосѣдямъ.

Въ 1874 году въ Ахаль-Теке, во главѣ партіи, расположенной къ Россіи, сталъ одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ ахаль-текинскихъ хановъ, *Софи-ханъ*, управлявшій ближайшими къ Красноводску текинскими укрѣпленіями и курганами. Софи-ханъ во главѣ депутаціи явился въ Красноводскъ съ заявленіемъ покорности и съ просьбою принять управляемыхъ имъ туркменъ подъ покровительство Россіи. При представленіи своемъ начальнику Закаспійскаго отдѣла, генералъ-маіору Ломакину, ханъ между прочимъ сказалъ: «Нашимъ людямъ давно уже надоѣли постоянные раздоры и неурядицы; безъ васъ у насъ не будетъ порядка; кромѣ того, для всѣхъ насъ крайне необходимо торговое караванное движеніе между Теке и Красноводскомъ; мы нуждаемся въ самыхъ первыхъ потребностяхъ; кромѣ пшеницы и барановъ, у насъ нѣтъ ничего, а до Хивы и Мерва далеко».

Не успѣли переговоры съ Софи-ханомъ еще окончиться, какъ 9-го ноября 1874 года изъ іомудскаго аула Дашлы-кабиль, лежащаго всего въ 38 верстахъ отъ Красноводска, прискакалъ старшина его Хали-Сардаръ и объявилъ, что текинцы произвели нападеніе на аулъ. По его рассказамъ, это были ахаль-текинцы, кочующіе восточнѣ Беурмы и Урчмана въ числѣ отъ 400 до 500 человекъ плѣхоты (часть коей на верблюдахъ) и конницы, подъ предводительствомъ Аманъ-Али-Карга. Текинцы напали на аулъ, совершенно уничтожили его, перебили много мужчинъ, женщинъ и дѣтей, подвергнувъ нѣкоторыхъ звѣрскимъ истязаніямъ, захватили плѣнныхъ и все имущество, стада верблюдовъ и барановъ. Нашъ отрядъ тотчасъ же двинулся противъ хищниковъ и успѣлъ отогнать ихъ отъ другихъ іомудскихъ ауловъ, на которые текинцы уже направлялись. Кромѣ того, часть ограбленнаго

имущества, при помощи ободрившихся, при приходѣ русскихъ, іомудскихъ всадниковъ, было отбито обратно.

Іомуды, возмущенные этимъ нападеніемъ, готовились отплатить текинцамъ. Въ русскихъ, за ихъ содѣйствіе, они стали видѣть естественныхъ союзниковъ противъ хищничества своихъ сосѣдей ахальтекинцевъ. Поэтому отрядъ нашъ, двинувшійся въ концѣ октября мѣсяца къ Атреку въ Чикишляръ и далѣе къ Баядъ-Аджи, всюду встрѣчаемъ былъ іомудами миролюбиво и радушно. Глава атабаевцевъ, Муса-ханъ, явился въ нашъ отрядъ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ услугъ ⁽¹⁾.

Тогда же текинцамъ начальникомъ закаспійскаго отдѣла было сдѣлано предложеніе прекратить распри съ іомудами и возвратить этимъ послѣднимъ захваченныхъ у нихъ плѣнныхъ. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ Софи-ханъ при письмѣ возвратилъ 30 плѣнныхъ іомудовъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ отрядѣ получено было новое письмо отъ Софи-хана, въ которомъ говорилось, что, согласно выраженного русскою властію желанія о томъ, чтобы текинцы жили въ мирѣ съ іомудами, Софи-ханъ и Караджи-ханъ отправились къ старшинамъ Бами и Беурма на совѣщеніе, на которомъ ханъ этихъ мѣстностей, Тыкма-сардаръ, согласился, что надо заключить съ іомудами миръ и возвратить плѣнныхъ, взятыхъ 9-го октября изъ аула Дашлы-Кабилы. Письмо оканчивалось весьма характерно: «между тѣмъ долженъ доложить вамъ, писалъ Софи-ханъ, что вообще текинскіе туркмены подобны степнымъ птицамъ, для которыхъ постелью служить песокъ; искусству ловить ихъ я не смѣю учить васъ: вы сами лучше меня это знаете».

15-го января генералъ-маіоръ Ломакинъ въ отвѣтъ на свое письмо получилъ новое письмо отъ Софи-хана и Караджи-хана.

«Всѣ приказанія ваши, писали эти ханы, намъ пріятны и они будутъ исполнены безотлагательно. Черезъ три дня послѣ прибытія вашихъ старшинъ, взявъ письмо ваше, я отправился вмѣстѣ съ ними къ старшинамъ всѣхъ крѣпостей и вездѣ всѣмъ объявлялъ содержаніе вашего письма. Послѣ этого текинцы собрались къ Курбанъ-Мурадъ-Ишану (въ Гокъ-Тепе), гдѣ держали совѣты, на которыхъ рѣшили непремѣнно уважить ваши требованія и сдѣлать угодженіе вашимъ посланнымъ, нашимъ же гостямъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ сего мѣсяца (января) собрать и остальныхъ плѣнныхъ и доставить въ Кызылъ-Арватъ, а потомъ отправить оттуда въ первыхъ числахъ буду-

(1) Этотъ самый Муса-ханъ, не смотря на неоднократныя приглашенія астрабадскаго губернатора и посланные этимъ послѣднимъ богатые подарки, не явился къ нему.

шаго мѣсяца (февраля), съ текинскими кетхудами и почетными воинами въ Красноводскъ».

Дѣйствительно, въ Гокъ-Тепе состоялся большой сборъ представителей, на который съѣхались нѣсколько тысячъ туркменъ Теке. На этомъ собраніи большею частью населенія ахаль-текинскаго оазиса, именно тахтамышцами, были приняты весьма миролюбивыя относительно русскихъ постановленія. На этомъ же собраніи былъ подтвержденъ порядокъ внутренняго управленія ахаль-текинскимъ оазисомъ съ подраздѣленіемъ его на нѣсколько одно отъ другаго независимыхъ отдѣловъ, подчиненныхъ различнымъ ханамъ. При этомъ территория Ахаль-Теке разбилась слѣдующимъ образомъ: Укрѣпленія (курганы) Кызыль-Арватъ, Кара-Сенгиръ, Заау и Бами, извѣстные подъ общимъ названіемъ Бешъ-Кала (пять крѣпостей) и заселенные тахтамышцами, были подчинены народнымъ собраніемъ Софи-хану и Караджа-хану.

Курганъ Беурма, въ коемъ живутъ утемышцы, подчиненъ Тыкмасардару. Курганы: Арчманъ, Сунга-Мурча, Бахарбанъ, Дурунь, Карачинъ, Акъ-Топа, Карызъ и Мехинъ, заселенные тахтамышцами (между коими впрочемъ разбѣяны и утемышскія семейства), подчинены Берды-Мургадъ-хану, сыну вліятельнѣйшаго между текинцами Нуръ-Верды-хана. Всѣ укрѣпленія отъ Яраджи до крайняго ахаль-текинскаго кургана Гяурса, составляющіе собственно Ахаль-Теке, подчинены совѣту изъ четырехъ хановъ: Уразъ-Мамедъ-хана, Овасъ-Дурды-хана, Кары-онъ-беги и Мулла-Кадама.

Населеніе кургановъ между Яраджи и Гяурсомъ принадлежитъ къ тахтамышцамъ, за исключеніемъ кургана Изгана и части Гокъ-Тепе, заселенныхъ утемышцами. Эти послѣдніе, составляя меньшинство текинскаго населенія, и менѣе зажиточные, тѣмъ не менѣе не согласились подчиниться постановленіямъ народнаго собранія, объявили, что не желаютъ мира съ русскими и, въ случаѣ прихода ихъ, уйдутъ въ Мервъ.

Не смотря на сопротивленіе утемышцевъ, представители Ахаль-Теке изъ 20 человекъ, въ томъ числѣ восемь хановъ ⁽¹⁾, прибыли 19-го февраля 1875 г. въ Красноводскъ. Вмѣстѣ съ ними прибыло 42 плѣнныхъ іомуда. Всего, вмѣстѣ съ прежде доставленными, туркмены-теке возвратили по требованію нашихъ властей, безъ выкупа, даже на своихъ верблюдахъ, 100 человекъ плѣнныхъ. У нихъ осталось еще 30 іомудовъ, изъ взятыхъ въ аулѣ Дашлы Кабилѣ, которыхъ текинцы обѣщали вернуть по освобожденіи іомудами трехъ ихъ плѣнныхъ.

(1) Въ числѣ явившихся были и представители укрѣпленія Аскябада.

Текинскіе представители заявили начальнику Закаспійскаго отдѣла, «что всѣ текинцы, кромѣ немногочисленнаго числа безпокойныхъ и дурныхъ людей, изъявляютъ совершенную покорность и преданность русскому правительству и готовы подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ».

Съ іомудами текинцы поклялись прекратить ссоры и жить въ дружбѣ. Давали слово не грабить каравановъ, не трогать русскихъ чабаровъ (гонцовъ) и преслѣдовать дурныхъ людей. Съ своей стороны текинцы просили помирить ихъ съ хивинскими іомудами и съ курдами и устроить освобожденіе ихъ плѣнныхъ, находящихся у хивинцевъ, персовъ и курдовъ.

Посланные представили генералъ-маіору Ломакину значительное количество писемъ отъ вліятельныхъ людей Ахаль-Теке, въ которыхъ заявлялись преданность и готовность служить намъ.

1876 годъ начался при весьма миролюбивомъ настроеніи туркменъ-теке, но уже въ февралѣ мѣсяцѣ генералъ Ломакинъ получилъ свѣдѣніе о сношеніяхъ текинцевъ съ ханомъ хивинскимъ, а вслѣдъ затѣмъ и о сношеніяхъ ихъ съ мервскими туркменами.

Интересно, какъ объясняли сами текинцы свои отношенія къ Хивѣ.

Въ письмѣ отъ 6-го февраля, текинецъ Мамедъ-Аталыкъ-ханъ сообщилъ начальнику Закаспійскаго отдѣла о сношеніяхъ текинцевъ съ хивинскимъ ханомъ, котораго они рѣшили слушаться, *какъ слугу Блага царя*. Въ концѣ письма значилось: «причемъ увѣдомляемъ, что мы сто лѣтъ служили вѣрно хивинскимъ ханамъ. По взытіи же Хивы русскими все тамъ перемѣнилось, и жители разбѣжались во всѣ стороны, вслѣдствіе этого возникли вездѣ безпорядки».

Гораздо опаснѣе для спокойствія Закаспійскаго края были сношенія ахаль-текинцевъ съ мервскими туркменами.

Послѣ описаннаго выше совѣщанія въ Гокъ-Тепе, утемынцы отправили своихъ посланцевъ къ мервскимъ текинцамъ съ жалобами на тахтамышцевъ, за присылку ими, какъ мы видѣли выше, 20 своихъ представителей въ Красноводскъ. Вслѣдствіе этой жалобы отъ мервскаго Каушанъ-хана прибыли въ Ахаль-Теке съ довольно сильнымъ вооруженнымъ отрядомъ нѣсколько хановъ и старшинъ, и въ числѣ ихъ братъ Каушанъ-хана, Худай-Верды-ханъ, личность весьма вліятельная въ Мервѣ. Они объявили ахаль-текинцамъ, чтобы эти послѣдніе не смѣли поддерживать сношеній съ народами, ихъ окружающими, т. е. съ іомудами, хивинцами, курдами, персіянами и, въ особенности, съ русскими, что, въ противномъ случаѣ, изъ Мерва въ Ахаль-Теке будетъ выслано большое войско для истребленія и разоренія ихъ.

Мервскіе текинцы, кромѣ того, угрожали казнью тѣмъ ханамъ и старшинамъ Ахаль-Теке, которые осмѣлялись посылать нарочныхъ въ русскій отрядъ. При этомъ было объявлено, что текинцы не должны теперь бояться русскихъ, ибо они, мервскіе туркмены, имѣютъ сильную поддержку со стороны Герата, гдѣ уже нѣтъ Якубъ-хана, и Афганистана, откуда имъ постоянно доставляется теперь отличное оружіе.

Немедленно же въ Ахаль-Теке начались дѣятельныя военныя приготовленія и сборы, враждебныя намъ, но это настроеніе держалось недолго. Движеніе нашего рекогносцировочнаго отряда охладило воинственные порывы туркменъ и повидимому еще болѣе укрѣпило у нѣкоторой части населенія желаніе отдаться подъ покровительство Россіи. Мервская партія въ Ахаль-Теке присмирѣла и часть мервскихъ посланныхъ удалилась. Съ приближеніемъ нашего отряда къ Игдамъ, ахальтекинцы, встревоженные близостью русскихъ, собрали новый совѣтъ въ Гокъ-Тепе, на которомъ рѣшили отдать плѣнныхъ, которыхъ требовали русскіе, и послать депутацію съ изъясненіемъ покорности и преданности русскому правительству. 10 плѣнныхъ іомудовъ были отосланы въ Красноводскъ, а 10-го іюня въ Игды, къ начальнику нашего отряда, явились нѣсколько ахаль-текинскихъ хановъ съ изъясненіемъ покорности.

21-го іюня, на колодцахъ Арватъ, при обратномъ движеніи нашего отряда, къ туркменской депутаціи присоединились еще нѣсколько новыхъ хановъ съ Софи-ханомъ во главѣ. Съ ними прибыли торговцы съ коврами, паласами, мукою, масломъ, ячменемъ, фруктами и лошадыми. При отрядѣ открылся базаръ и въ первый же день продано было русскимъ на 1,500 рублей. Это былъ первый опытъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ текинцами.

22-го іюня къ отряду прибыли еще нѣсколько хановъ и привезено было письмо отъ Тыкма-сардара, главы утемышцевъ, занимающихъ укрѣпленіе Беурма.

«Никогда еще въ здѣшнихъ степяхъ, доносилъ генералъ-маіоръ Ломакинъ, не было такъ мирно и такъ спокойно, какъ теперь: нѣсколько моихъ нарочныхъ ѣздили въ Красноводскъ, въ Хиву и обратно; встрѣчались съ текинцами и мирно расходились; они проѣзжали даже черезъ Теке; черезъ текинскій же оазисъ, противъ Гокъ-Тепе, прошла на родину цѣлая партія въ 500 человекъ, освобожденныхъ недавно отъ хивинскихъ іомудовъ, плѣнныхъ персіянъ, а къ намъ въ отрядъ въ Арбатъ два іомудскихъ безоружныхъ пастуха пригнали цѣлое стадо барановъ для довольствія войскъ, хотя на пути и встрѣчались текинцы».

Къ приходу отряда въ кол. Джамала явились ихъ Ахалъ-Теке избранные всѣмъ оазисомъ довѣренные депутаты. Во главѣ ихъ находился старшій и самый главный кадій (кази) *Мухамедъ-Али-кади*. Депутаты подали начальнику отряда письмо отъ четырехъ главныхъ хановъ правителей. Затѣмъ кадій, считающійся въ Теке и даже Мервѣ первымъ ученымъ, произнесъ рѣчь, которая, въ виду ея чрезвычайной характерности и важности, приводится въ главныхъ чертахъ.

1) Изъ окружающихъ насъ владѣній: Хивы, Бухары, Афганистана, Курдистана, Персіи и другихъ, каждое давно уже домогается присоединить наше маленькое общество къ своимъ владѣніямъ, но какъ имъ это не удастся, то они насъ постоянно разоряютъ и грабятъ, мы отвѣчаемъ имъ тѣмъ же. Такъ сложилась наша жизнь на послѣднее время. Мы разсудили, что единственное средство прекратить это тяжелое для насъ положеніе и избавиться отъ всѣхъ подобныхъ притязаній—это покориться Великому Русскому Акъ-падишаху, какъ сильнѣйшему и могущественнѣйшему изъ всѣхъ царей, и просить его принять нашъ народъ подъ его высокое и милостивое покровительство. Мы всегда готовы будемъ служить ему вѣрой и правдой, и такъ какъ наши люди почти всѣ воины, то, въ случаѣ надобности, по первому слову Акъ-падишаха, они охотно выставляютъ нѣсколько тысячъ отличныхъ всадниковъ и съ радостію пойдутъ на войну, куда онъ укажетъ. Такъ, пользовались не разъ службою текинцевъ Чингизъ-ханъ, Надиръ-Шахъ и другіе, и текинцы, какъ сказано въ нашихъ книгахъ, всегда отлично имъ служили и всегда были впереди ихъ полчищъ.

2) *Болѣе ста лѣтъ тому назадъ предки хивинскихъ хановъ покорили текинцевъ*, а какъ теперешній хивинскій ханъ покорный и преданный слуга Акъ-падишаха, то и текинцы, желая быть отнынѣ вѣрными слугами Великаго Акъ-падишаха, *желаютъ оставаться въ прежнихъ подвластныхъ отношеніяхъ къ хивинскому хану*.

3) Отъ бывшихъ властителей текинскихъ земель (Чингизъ-хана, Надиръ-Шаха и другихъ) текинцы имѣютъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ, утверждающихъ ихъ личныя и поземельныя права; они просятъ теперь подтвержденія этихъ грамотъ и правъ русскимъ правительствомъ.

4) Ахалъ-текинцы обязываются отнынѣ прекратить всякія враждебныя дѣйствія и отношенія съ іомудами, какъ съ за-атрекскими, такъ и хивинскими, прося не оставлять безъ наказанія тѣхъ іомудовъ, которые будутъ грабить и разорять ихъ торговые караваны, слѣдующіе изъ Хивы въ Красноводскъ и на Атрекъ и обратно; они не только

не будутъ грабить и трогать, но даже будутъ содѣйствовать и помогать этому караванному движенію. Они избрали изъ среды себя до 100 ферашей, которые обязаны слѣдить, чтобы не было грабежей; грабителей будутъ преслѣдовать и, по приказанію хановъ-правителей, казнить. Такъ, за послѣднее время уже казнили шесть разбойниковъ.

и 5) Торговые люди, кто бы они ни были, могутъ пріѣзжать въ Теке и заниматься своими дѣлами, въ чемъ имъ никакого препятствія не будетъ, и они на свою безопасность, находясь въ Теке, могутъ вполнѣ разсчитывать. Съ своей стороны и текинцы просятъ, чтобы ихъ торговые люди пользовались бы покровительствомъ и защитой вашей во время пребыванія ихъ въ Красноводскѣ, на Атрекѣ, въ Баку и другихъ мѣстностяхъ.

По окончаніи узбойской экспедиціи 1875 г. генералъ-маіоръ Ломакинъ послалъ въ Ахаль-Теке посланцевъ къ текинцамъ съ отвѣтными письмами. Въ Кызылъ-Арватѣ этимъ посланцамъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Однако же они не нашли ожидаемаго спокойствія въ Теке и, отказавшись отъ поѣздки въ восточный Ахаль-Теке, возвратились обратно (¹); тамъ снова начались междоусобицы между Нурверды-ханомъ и четырьмя вышепоименованными ханами-правителями. Снова въ Гокъ-Тепе собрался чрезвычайный съѣздъ, на которомъ состоялось примиреніе Нурверды-хана съ четырьмя остальными ханами, и Нуръ-Верды признанъ былъ ханомъ всего Ахаль-Теке.)

Случайное убійство трехъ ахаль-текинцевъ курдами, пріѣзжавшими поздравить Нурверды-хана, произвело въ средѣ ахаль-текинцевъ новое междоусобіе. Ахаль-Теке раздѣлился на два лагеря: *западный*, большой, съ Нуръ-Верды-ханомъ, и *восточный*—съ четырьмя ханами.

Нуръ-Верды двинулся противъ своихъ противниковъ съ 1,500 всадниками, и дѣло дошло до кровавыхъ стычекъ. Эти распри отразились волненіемъ и въ степи. Въ сѣверной части Туркменіи снова появились шайки. Въ половинѣ октября на Усть-Уртѣ, въ пескахъ Кумъ-Себшенъ, текинцы ограбили караванъ въ 50 верблюдовъ, принадлежавшій хивинскимъ іомудамъ. Подданные намъ іомуды находились въ постоянной тревогѣ; они выставили для воспрепятствованія текинцамъ караулы въ различныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, противъ острова Челе-

(¹) Во главѣ посланныхъ генераломъ Ломакинымъ лицъ стоялъ Ель-Гельдыханъ, который между прочимъ сообщилъ о сношеніяхъ текинцевъ съ хивинцами въ 1875 г. слѣдующее: текинцы освободили посланцу хивинскаго хана (Юзбашѣ) всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ ими въ началѣ 1875 г. между Сары-Камышемъ и Ургенчемъ, и обязались, взаменъ прежней дани по верблюду съ каждой крепости, платить ежегодно 12 руб. отъ каждой ихъ канавы. Свѣдѣнія эти необходимо еще проверить.

кенъ и озеръ Бугдайли и Шаирды, у колодцевъ Люльмень и Карабугазъ. Чорва изъ опасенія грабежей текинцевъ не рѣшались даже переходить отъ р. Атрека на сѣверъ, на обычные свои лѣтовки.

Раздоры въ Ахаль-Теке вызвали попытки значительной партіи вмѣсто подданства Россіи принять подданство Хивы, а затѣмъ, когда эти попытки не удались, то искали подданства Персіи. Хивинскій ханъ принялъ депутацію текинцевъ и послалъ въ Ахаль-Теке, съ одобренія начальника аму-дарьинскаго отдѣла, свое довѣренное лицо для управленія оазисомъ — *Мусу-Мутевалія*. Прибытіе этого лица не уменьшило, а еще усилило раздоры и неурядицу въ Ахаль-Теке. Явилось три партіи: одна выбрала ханомъ Мусу-Мутевалія, другая — Нуръ-Верды-хана, а третья — не признала надъ собою ничьей власти. Нур-верды-ханъ признавался главою русской партіи въ Теке, и потому ему было начальствомъ закаспійскаго отдѣла отдано предпочтеніе передъ Мусою-Мутеваліемъ, и этотъ послѣдній безъ успѣха вернулся въ Хиву.

1876 годъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, не былъ счастливъ для ахаль-текинцевъ. Скопища ихъ, двинувшіяся противъ Келата, были разбиты. Нѣсколько удачнѣе было нападеніе на г. Серахсъ, причѣмъ помощь, высланная гарнизону Серахса изъ Мешхеда, обратилась въ постыдное бѣгство и при преслѣдованіи потеряла нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Чтобы наказать туркменъ за набѣги, начальникъ курдовъ буджнурской области, Ильхани-Яръ-Магомедъ, предпринялъ набѣгъ противъ туркменъ. Набѣгъ этотъ увѣнчался успѣхомъ, и турмены лишились значительнаго числа верблюдовъ и лошадей. Въ отплату за это нападеніе, туркмены, собравъ значительныя силы, обложили курдскій курганъ Пишъ-калэ (недалеко отъ Буджнура), но подоспѣвшее подкрѣпленіе нанесло туркменамъ сильное пораженіе, причѣмъ они лишились много плѣнныхъ и скота.

Правитель Кучана, Абдулъ-Гасанъ-ханъ, имѣвшій родню въ Ахаль-Теке и долго жившій тамъ въ изгнаніи, пользуясь неудачами текинцевъ, началъ склонять ихъ принять подданство Персіи. По его настоянію представители Ахаль-Теке прибыли въ курдское укрѣпленіе Паувризъ, гдѣ и состоялось между ними и Гасанъ-ханомъ соглашеніе. Представители согласились принять подданство Персіи при условіи, чтобы имъ уплачивали ежегодно значительную сумму денегъ на содержаніе 1,400 человѣкъ вооруженной стражи (фѣрашей, кетхуодовъ и караульных). Добившись согласія, Абдулъ-Гасанъ съ 40 представителями отправился въ Тегеранъ, гдѣ и былъ ласково принятъ, но вскорѣ шахомъ были получены донесенія отъ намѣстника Хоросана (Шахъ-заде-Букнудъ-давле), который писалъ, что Абдулъ-Гас-

сапъ-ханъ обманываетъ персидское правительство, что текинцы и не думаютъ признавать себя подданными Персіи, продолжая попрежнему грабить хоросанъ и курдовъ, и что прибывшіе въ Тегеранъ съ Абдуль-Гассанъ-ханомъ текинцы вовсе и не представители, а простые пастухи. Вслѣдствіе этого донесенія 40 текинцевъ были препровождены для производства слѣдствія въ Мешхедъ; только тремъ или четыремъ изъ нихъ удалось бѣжать и сообщить своимъ родичамъ о неудачѣ ихъ тегеранской депутаціи.

Неудача этой попытки обратила туркменъ снова къ намъ.

9-го декабря 1876 г. въ Красноводскъ прибылъ изъ Ахаль-Теке посланецъ генерала Ломакина Махъ-Магометовъ, въ сопровожденіи 45 текинскихъ хановъ и старшинъ, которые заявили, что всѣ послѣднія сношенія ихъ съ Персіею имѣли въ виду одну только цѣль: возвращенія ихъ плѣнныхъ, находившихся въ Персіи. Они завѣряли въ своей преданности Бѣлому Царю, звали русскихъ въ Теке, предлагали имъ нанять ферашей, иначе сомнѣвались, чтобы между ними могъ быть установленъ порядокъ и прекращены грабежи, такъ какъ текинцы народъ дикій и своевольный. Наконецъ они согласились на занятіе нами одного изъ пунктовъ въ оазисѣ, на примѣръ Кызыль-Арвата.

Кромѣ заявленія на словахъ, посланцы вручили генералу Ломакину письмо отъ ахаль-текинскихъ-хановъ съ объясненіями относительно ихъ сношеній съ Персіею. Въ виду интереса этого письма приведемъ его полностью.

«Письмо вашего превосходительства, писали ханы, мы получили и узнавъ изъ онаго, что вы здоровы, весьма тому обрадовались.

«Вы писали намъ, чтобы доставить вамъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходило за послѣднее время въ Ахаль-Теке, вслѣдствіе чего и сообщаемъ вамъ слѣдующее.

«Ахаль-Теке состоитъ изъ 32-хъ племенъ, и каждое изъ нихъ получило отъ Абдуль-Гассанъ-хана по письму съ приглашеніемъ выслать къ нему на совѣщаніе почетныхъ старшинъ.

«По приглашенію этому собрались въ Бузмеинъ: изъ Кызыль-Арвата — Худай-Верды-ханъ, изъ Баи — Тюря-Конгуръ, изъ Беурмы — Оразъ-Мурадъ-сардаръ (Тыма-сардаръ), изъ Арчмана — Нуръ-Мухамедъ-сардаръ, а также и всѣ старшины изъ прочихъ текинскихъ крѣпостей. Послѣ этого пріѣхалъ въ Гокъ-Тепе Нуръ-Верды-ханъ, по просьбѣ котораго всѣ приглашенные пріѣхали въ Паувризъ (курдская крѣпость). Тамъ Тюря-Конгуръ, Оразъ-Мамедъ-ханъ и Курбанъ-Мурадъ-Иманъ, начали уговаривать насъ принять подданство Персіи, но мы съ Нуръ-Верды-ханомъ наотрѣзъ отказались отъ этого и сказали, что этого

никогда быть не можетъ; на сдѣланный же нами вопросъ, почему? отвѣтили, что если Хива, существовавшая самостоятельно столько лѣтъ, должна была, наконецъ, вступить во владѣніе Акъ-падишаха, то и Ахалъ-Теке, уже 111 лѣтъ подвластный хивинскимъ ханамъ, долженъ быть подчиненъ также Акъ-падишаху; что въ чьихъ рукахъ находится Хива, въ тѣхъ же рукахъ долженъ быть и Ахалъ.

«Послѣ того, они начали упрашивать насъ хотя ради нашихъ плѣнныхъ, находящихся въ Персіи, уладить это дѣло; на это мы и согласились.

«Въ Паувризѣ Нуръ-Верды-ханъ, Назратъ-Кули-ханъ, Оразъ-Мамедъ-ханъ и я (ханъ Мамедъ-Аталыкъ), пришли къ Абдулъ-Гассанъ-хану, стоворившись предварительно съ Нуръ-Верды-ханомъ, просить у Абдулъ-Гассанъ-хана денегъ на наемъ 1,400 человекъ ферашей, кетхудовъ и караульныхъ съ тѣмъ, что если онъ не согласится на это, то мы возвратимся назадъ. Абдулъ-Гассанъ-ханъ, какъ только мы пришли, началъ спрашивать, какія у насъ новости. Мы отвѣтили, что такъ какъ мы пріѣхали въ Теке, то новости должны быть у васъ, а не у насъ. Абдулъ-Гассанъ-ханъ сказалъ, что онъ былъ въ Тегеранѣ у шаха, который, послѣ служебныхъ разговоровъ, спросилъ его: кому прежде подчиненъ былъ Ахалъ? Абдулъ-Гассанъ-ханъ отвѣтилъ, что Ахалъ принадлежалъ прежде Хивѣ, которая завоевана русскими, а теперь никому не принадлежитъ, и онъ желаетъ вступить во владѣніе имъ. Шахъ повелѣлъ ему обратиться къ военному министру (садръ-азаму), который послѣ объясненія Абдулъ-Гассанъ-хана о цѣли своего посѣщенія, по повелѣнію шаха, попросилъ къ себѣ русскаго посланника (визирь-мухтара) и передалъ ему все то, что рассказалъ Абдулъ-Гассанъ-ханъ. Посланникъ на это сказалъ, что Ахалъ подчиненъ Хивѣ, а Хива взята Акъ-падишахомъ, стало быть Ахалъ долженъ принадлежать тому лицу, въ управленіи котораго находится Хива, но въ настоящее время Ахалъ не принадлежитъ ни Хивѣ, ни Россіи, и если кто вступить въ управленіе имъ, то тотъ не радъ будетъ этому, потому что народъ въ Теке безпокойнаго характера, постоянно занимающійся грабежами и разбоями, а слѣдовательно, много стоитъ труда, чтобы возстановить порядокъ и спокойствіе. Послѣ того садръ-азамъ просилъ визирь-мухтара оставить это дѣло до осени, впредь, пока не будетъ посланъ кто-либо для собранія болѣе положительныхъ свѣдѣній о Теке,—на этомъ они и остановились.

«Кончивши свой рассказъ, Абдулъ-Гассанъ-ханъ обратился къ намъ съ словами: я просилъ васъ сюда еще по одному обстоятельству, ко-

торое заключается въ томъ, чтобы вы прислали къ шаху своихъ кетхудовъ, для заключенія мира, чтобы вы не трогали Хоросанъ, что, взявъ того, всё ваши плѣнные будутъ возвращены, и что онъ, Абдуль-Гассанъ-ханъ, для этой именно цѣли и ѣздилъ въ Тегеранъ, а теперь снова поѣдетъ и потому просить избрать для поѣздки съ нимъ 40 кетхудовъ. На эти слова ханъ-Махмедъ-Аталыкъ отвѣтилъ, что Ахаль-Теке покоренъ хивинскимъ ханомъ 111 лѣтъ тому назадъ. Гдѣ же вы (персы) были? Въ то время существовали и курды, и вы; почему же до сихъ поръ Ахаль не принадлежитъ вамъ? Въ настоящее время Ахаль-Теке принадлежитъ Акъ-падишаху, и мы не можемъ допустить мысли, чтобы русскіе были слабѣе узбековъ, чтобы уступить Ахаль другимъ. Абдуль-Гассанъ-ханъ сказалъ, что онъ тогда никакого дѣла не имѣлъ съ каджарами, а теперь, какъ вѣрноподанный шаха, получилъ повелѣніе его взять свою землю; на это мы отвѣтили: а мы вѣрноподанные Акъ-падишаха, и Теке принадлежитъ ему, почему безъ воли его ничего не можетъ сдѣлать. Послѣ того Абдуль-Гассанъ-ханъ сказалъ, что шахъ попроситъ Акъ-падишаха уступить ему Ахаль-Теке, а если этого сдѣлать окажется невозможнымъ, то тогда и онъ не будетъ имѣть своихъ притязаній на Ахаль.

«Затѣмъ, Абдуль-Гассанъ ханъ началъ снова уговаривать насъ дать ему 40 кетхудовъ, для поѣздки въ Тегеранъ къ шаху, чтобы заключить миръ и возвратить имъ плѣнныхъ изъ Персіи, при условіи не трогать больше Хоросанъ. Нуръ-Верды-ханъ отвѣтилъ, что они не могутъ безусловно остановить своихъ людей отъ разбоевъ и грабежей и согласятся на это въ такомъ случаѣ, если онъ дастъ жалованье на 1,400 человекъ съ тѣмъ, что изъ нихъ будутъ 200 человекъ кетхудовъ, 200 человекъ ферашей, а остальные 1,000 человекъ караульные. Послѣ продолжавшихся по этому поводу разсужденій, Абдуль-Гассанъ-ханъ заявилъ, что опредѣлить жалованье въ мѣсяцъ: каждому кетхуду по 20 крановъ (кранъ равняется 30 коп.), каждому ферашу по 40 крановъ, а остальнымъ 1,000 чел. онъ не можетъ опредѣлить жалованья, пока не будетъ имѣть свиданія съ шахомъ; причемъ сказалъ, что на 400 человекъ онъ теперь же отпустить деньги, но до возвращенія его изъ Тегерана просить, чтобы 1,000 человекъ смотрѣли за безпкойными людьми, чтобы они не трогали ни Хоросанъ, ни Хиву, ни Красноводскую дорогу. На это Нуръ-Верды-ханъ отвѣтилъ, что если деньги на всехъ людей будутъ отпускаться ежемѣсячно и акуратно, то все это будетъ исполнено, въ противномъ же случаѣ не можетъ ручаться за безпачность и не можетъ считать себя въ томъ виновнымъ. Послѣ этихъ совѣщаній всѣ собравшіеся въ Паувризѣ разѣха-

лись по своимъ ауламъ, назначивъ и поручивъ Абдуль-Гассанъ-хану 40 кетхудовъ для поѣздки въ Тегеранъ.

«Вслѣдъ затѣмъ четыре человека съ Аманъ Гельды привезли 5,000 крановъ, изъ коихъ 1,500 крановъ были отданы ферашамъ племени Сигмазъ, 1,500 ферашамъ племени Якши Ташъ-Аякъ; 1,000 крановъ ферашамъ племени Вакиль (Нуръ-Верды-хана) и 1,000 крановъ ферашамъ племени Бекъ (Оразъ-Мамедъ-хана). Слѣдующія деньги кетхудамъ и остальнымъ ферашамъ Абдуль-Гассанъ-ханъ обѣщался выслать изъ Кучана. Кромѣ полученныхъ и розданныхъ по принадлежности крановъ, мы другихъ обѣщанныхъ денегъ больше отъ него не получали, а вслѣдствіе того и составленный имъ планъ не осуществился: мы послѣ того попрежнему грабимъ персіянъ, а они, въ свою очередь, грабятъ насъ.

«Доносимъ вашему превосходительству обо всемъ вышеизложенномъ вѣрно, и если кто либо пришлетъ другое донесеніе, не согласное съ нашимъ, то просимъ не вѣрить.

«Мы потому только согласились на предложеніе Абдуль-Гассанъ-хана, что въ Персіи находятся наши плѣнные, которыхъ мы желали освободить отъ персіянъ. На самомъ же дѣлѣ мы и наша земля ваши; мы принадлежимъ и служимъ хивинскому хану, а это равносильно тому, что мы служимъ вамъ, такъ какъ ханъ хивинскій не могъ управляться самъ собой, а нами и подавно. Мы, туркмены, простые люди и будемъ исполнять ваши приказанія. Дальнѣйшія распоряженія зависятъ отъ васъ.

«Вы писали, чтобы взятыхъ въ плѣнъ изъ Карабугаза и ограбленное тамъ имущество возвратить; на это требованіе увѣдомляемъ, что трое изъ плѣнныхъ бѣжали на свою родину, а троихъ мы поручили Ата-Назаръ-Беку, который и отправилъ ихъ на родину».

Предположенная еще въ 1876 г. рекогносцировка къ текинскимъ предѣламъ состоялась въ 1877 г. Значительной силы отрядъ нашъ выступилъ изъ Красноводска на Мумла-Кари и Айдинъ, 7-го мая занялъ текинское укрѣпленіе Кызыль-Арватъ (отъ Айдина отрядъ нашъ шелъ на Ахча-Куйма 26 верстъ, колодцы Шигахъ 26 верстъ, Копланлы 18, Кутунъ-Куйма 17, Аджибъ 34, Кызыль-Арватъ 20. Составъ отряда былъ слѣдующій: девять ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, двѣ сотни милиціи, восемь орудій полевыхъ и четыре горныхъ, ракетная команда. Всего 1,830 человекъ съ обозомъ около 2,500 верблюдовъ). Еще на походѣ къ Кызыль-Арвату генераломъ Ломакимъ были получены письма, отъ 30-го апрѣля и 5-го мая, отъ хановъ и старшинъ ближайшихъ ахаль-текинскихъ укрѣпленій, въ ко-

торыхъ заявлялась полная покорность жителей и готовность служить русскимъ. 6-го мая къ начальнику отряда явились лично ханы и старшины и повторили мирныя заявленія. Однако жители Кызыль-Арвата, съ приближеніемъ русскихъ войскъ, удалились за 30 верстъ отъ укрѣпленія, оставивъ на своихъ поляхъ однихъ караульщиковъ и зарывъ свои пожитки въ песокъ. Черезъ нѣсколько дней пребыванія отряда близъ Кызыль-Арвата, стали получаться тревожные слухи со стороны Гокъ-Тепе. Въ отрядъ доносили, что духовныя лица возбуждаютъ народъ противъ русскихъ, и что уже собираются значительныя партіи съ цѣлію напасть на русскій отрядъ. Скоро слухи подтвердились. 12-го мая туркмены значительнымъ скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человекъ обрушились на небольшой рекогносцировочный отрядъ нашъ изъ казаковъ, выступившій изъ лагеря и отошедшій отъ него нѣсколько верстъ.

По донесенію генерала Ломакина: «Возбужденные своими духовными лицами, изъ коихъ нѣкоторые вернулись недавно изъ Мекки и Константинополя, всѣ дальніе текинцы поклялись умереть или уничтожить нашъ небольшой отрядъ, и безъ боя, какъ того требуетъ коранъ, не отдавать намъ и клочка своей земли. Силою они заставили слѣдовать за собою и текинцевъ ближайшихъ крѣпостей, со всеми ихъ ханами и старшинами».

Туркменами предводительствовалъ тотъ самый Нуръ-Верды-ханъ, который всегда считался главою русской партіи.

Планъ непріятеля заключался въ томъ, чтобы отогнать нашихъ верблюдовъ, разбить кавалерію и послѣ того, занявъ кызыль-арватское ущелье, отвести воду отъ лагеря и прервать сообщеніе отряда съ Красноводскомъ. По донесенію, туркмены съ остервененіемъ бросились на казаковъ, поддержанныхъ двумя ротами пѣхоты съ горною артилеріею. Войска наши остановили первый натискъ, а съ прибытіемъ еще свѣжихъ двухъ ротъ со взводомъ полевой артилеріи текинцы, послѣ четырехъ часовъ боя, обратились въ бѣгство. Туркмены потеряли до 200 человекъ убитыми, изъ коихъ до 60 тѣлъ даже не подобрали съ поля сраженія. Наша потеря состояла изъ одного убитого и 11 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Непріятель бѣжалъ къ Беурмѣ. 15-го мая явились въ отрядъ ханы ближайшихъ кургановъ: Кызыль-Арвата, Коджа, Зау, Дженги, Кызыль-Чешма, Бами и Беурмы и заявили слѣдующее: «считайте наши крѣпости вашими; мы вамъ покорны и готовы подчиниться всѣмъ вашимъ распоряженіямъ».

19-го мая жители Кызыль-Арвата возвратились на свои поля.

21-го числа прибыло нѣсколько хановъ дальнихъ кургановъ и заявили тоже свою покорность.

Въ концѣ мая, вслѣдствіе истощенія взятыхъ съ собою продовольственныхъ запасовъ и начавшейся развиваться въ отрядѣ болѣзненности (¹), генералъ Ломакинъ оставилъ Кызыль-Арватъ и направился къ Красноводску.

Дѣло подъ Кызыль-Арватомъ 12-го мая 1877 г. вполне показало слабость туркменъ-текинцевъ и ихъ неспособность бороться съ успѣхомъ даже противъ относительно ничтожныхъ русскихъ силъ. 10,000 туркменъ, по донесенію, «съ остервененіемъ» нападаютъ на двѣ сотни казаковъ, двѣ сотни милиціи и не уничтожаютъ ихъ; прибывшія затѣмъ четыре роты съ нѣсколькими орудіями достаточны, чтобы заставить туркменъ отступить съ значительною потерею. Нападеніе нѣсколькихъ тысячъ туркменъ послѣ боя, продолжавшагося четыре часа, причиняетъ намъ потери: одного человѣка убитымъ и 11 раненыхъ.

Въ 1878 г., вслѣдствіе продолжавшихся безпорядковъ въ степи и необезпеченнаго положенія подданныхъ намъ іомудовъ, русскія войска заняли линію рѣки Атрека отъ устья до впаденія въ нее р. Сумбара у урочища Чатъ. Въ этомъ послѣднемъ и на берегу Каспійскаго моря, къ 7-го октября 1878 г., окончены были постройкою два довольно сильныхъ укрѣпленія: Чатъ и Чикишляръ.

При движеніи отряда нашего въ серединѣ августа вверхъ по р. Сумбару, онъ доходилъ до развалинъ текинскаго укрѣпленія Ходжамъ-Кала, гдѣ и оставался нѣкоторое время, въ продолженіе котораго въ отрядѣ являлись попрежнему текинскіе ханы и изъявляли полную покорность. Однако, не смотря на эти завѣренія, отрядъ нашъ въ послѣдній день пребыванія его въ Ходжамъ-Кала и при обратномъ слѣдованіи подвергался нѣсколько разъ нападеніямъ значительныхъ скопищъ туркменъ, сила которыхъ измѣрялась въ 1,000 человѣкъ; нападенія эти были легко отбиты съ ничтожною съ нашей стороны потерею.

Позднѣе, 7-го и 19-го октября, туркменскія шайки въ нѣсколько сотъ человѣкъ пытались отхватить нашихъ верблюдовъ, пасшихся около Чата. 24-го декабря дерзость текинцевъ дошла до такой степени, что они рѣшились произвести нападеніе на наше приморское Чикишлярское укрѣпленіе и на прилежащіе къ нему аулы Чикишляръ и Гассандъ-Кули. Нападеніе было отбито, но туркмены успѣли захватить часть скота преданныхъ намъ іомудовъ.

(¹) Число больныхъ дошло до 100 человѣкъ. Главныя болѣзни были: лихорадка и глазныя.

Принимая наше нежеланіе распространить предѣлы Закаспійскаго военнаго отдѣла постояннымъ занятіемъ какого-либо пункта въ текинскомъ оазисѣ за нашу слабость, туркмены становились все болѣе и болѣе дерзкими. Положеніе нашихъ подданныхъ туркменъ въ закаспійскомъ краѣ сдѣлалось весьма тревожнымъ; вслѣдствіе постоянного опасенія нападенія туркменъ торговое движеніе между побережьемъ Каспійскаго моря и Хивой прекратилось. Наконецъ 7-го апрѣля настоящаго года значительная партія туркменъ, 1,500 отборныхъ всадниковъ, появилась въ мѣстностяхъ близъ Красноводска, гдѣ около колодцевъ Акча-куи, въ 56 верстѣ отъ Красноводска, захватила въ плѣнъ нѣсколько туркменскихъ женщинъ, тысячу барановъ и нѣсколько сотъ верблюдовъ.

Наши войска, въ составѣ двухъ ротъ и сотни милиціи, были движуты форсированнымъ маршемъ изъ Красноводска на колодцы Бурнакъ (30 верстѣ) и далѣе къ кол. Кабилъ противъ текинцевъ и настигли ихъ недалеко отъ колодцевъ Бурнакъ уроч. Кмилая. Послѣ довольно жаркой схватки туркмены отступили и при преслѣдованіи у нихъ отбито обратно до 10,000 барановъ. Потеря туркменъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, весьма значительна. Наша потеря состояла: убитыми четыре нижнихъ чина, ранеными одинъ офицеръ, 12 нижнихъ чиновъ и три милиціонера.

Дѣло это хотя и произвело нѣкоторое впечатлѣніе на туркменъ, но нельзя надѣяться, чтобы оно отбило у нихъ охоту къ нападеніямъ, если противъ самаго гнѣзда ихъ не будутъ приняты болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя принимались до сихъ поръ.

КАРТА
ТУРКМЕНСКОЙ СТЕПИ
Масштаб

Приложение № 3 Сб

